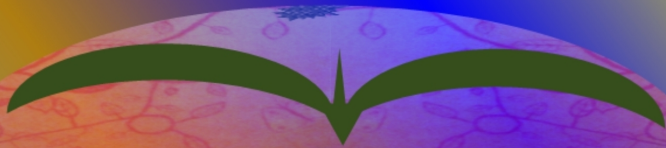


Йольз Джангерс

Крылья древнего ящера

фантастический роман



12+

Йольз Джангерс

Крылья древнего ящера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51563648

SelfPub; 2020

Аннотация

Действие происходит в далёком будущем. Контакты с другими цивилизациями уже давно не редкость. Но всё ли так легко, и для всех ли во вселенной единые правила? Книга не относится к фэнтези; приведённые версии "из будущего" автор, хоть немного, но пытался обосновать, опираясь на уже существующие физические понятия.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	24
Глава 3.	57
Глава 4.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1.

Задумчивость слишком часто входила во Врежа на протяжении всего довольно долгого перелёта. Скорее всего, это было какой-то обратной реакцией; перегорел перед стартом, наверное... И вот, снова прилипнув к одному из удалённых от мирского любопытства иллюминаторов, он давал работу своей памяти, лишь иногда переключаясь на появляющуюся периодически, справа налево точку-звёздочку, имя и фамилию которой знали здесь только двое, по долгу своей работы. Он же, как и остальные девять человек на "Арамисе" ничего не знали о, почему-то, совсем одинокой звезде, как большинство пассажиров электрички ничего не знают о проплывающей за окном деревне. Вот и теперь эта бесцветная точка, на много парсек отдалённая от других светил, соринкой проползала по иллюминатору, доказывая, что последний не заклеен снаружи черной фотобумагой. На ожидание того, когда корабль снова к ней повернется, уходило время и этим разбавлялось слишком обильное время отдыха.

"Рекомендации к полётам" предписывают в случае не загруженности экипажа делами продолжать полёт в специальных камерах, которые здесь называют "Аквариум". Итальянцы давно уже так сделали; вообще темпераментные натуры обычно предпочитают полёт во сне, избегая этим скуку. Но Врежу спать не хотелось, тем более искусственно. Хотя он

сам и медик, и биолог, но ко всем медицинским препаратам у него была моральная аллергия. Заставить самого себя принять что-то, не являющимся органической потребностью было для него делом нелёгким. Тем более что за полёт только в один конец, дважды необходимо быть пациентом "Аквариума": при наборе и гашении сверхскорости.

Послышался голос командира полёта Майкла Уэддоу, выкрикивавшего "Рей". Врежу не нравилось, что его несложное, в общем-то, армянские имя по-английски или на эсперанто выговорить так уж трудно. Во всяком случае, с Реем он мирился через силу.

А вывели его из состояния нирваны в связи с признаками заболевания у Доррис. Но стоило медицинским оком с расстояния оглядеть хворую, как стало ясно, что молодой женщине просто скучно, об этом говорила и крайне женственная, по её мнению, поза. Командир – штатный сухарь, так чьё внимание заострить на себе? – Врежа Бакунца, он обязан видеть всю суть.

Томные девочки стали попадать в полёты. Раньше, когда он два года поступал в Ростовский Филиал Академии астронавтики, поступавшие девчонки отбирались очень строго, даже слишком. ...Но за короткий срок, видно, произошли изменения.

– Так что болит-то? – хотел спросить Вреж с насмешливой интонацией, но получилось как-то не так, почти задушевно, и это вселило в неё уверенность.

– Ничего, просто не хочется стоять на ногах.

– Ну и как? Очень не хочется?

– Между прочим, я не шучу. Я ж не ребёнок, и не забыла, где нахожусь... Просто непонятное что-то, два месяца ничего подобного не было, а что ещё будет через месяц...

– Прилетим.

– Прилетим ли?

Бакунц принёс необходимую аппаратуру для осмотра, осмотрел – вроде всё нормально, хотя есть данные и о небольшом переутомлении, однообразие – тоже изматывает.

– Искусственная гравитация – не земная, сама знаешь. Разный организм по-разному на неё реагирует.

– Что же я – первый раз лечу, что ли? Никогда этого не было.

Всё же глаза Дорис Гимус явно дразнились, и это перечёркивало все диагнозы.

– Давай я тебя перетащу в "Аквариум". В ответ – двусмысленный смешок и разговор начал развиваться не на научную тему. Уэддоу, зачем-то дежуривший у кабинки Дорис, многозначительно стал в дверях, точь-в-точь как администратор гостиницы в двадцать три ноль-ноль. Вреж промямлил, что если жалобы повторятся, лучше Гимус перевести в камеру к спящим Сандро и Монике, а за её делами нетрудно приглядеть и Ван Шао.

Всё это было понятно и без него. Третий месяц полёта со скоростью, которая не вписывается в воображение, ко-

торую не ощутишь человеческими органами, нагнетал чувство невероятного одиночества. Соответствующая подготовка, конечно, имеет результаты, но люди – есть люди, и у каждого что-то щемит в груди; только не все в этом сознаются. Ко всему, полёт "Арамиса" и сопровождающего его аварийно-спасательного 0-21, обыденного при таких перелётах, рядовым-то и не был.

Четырнадцать землян на двух земных же сооружениях мчались туда, где чуть больше года назад уже были люди. Почти случайно открытая крохотная, по сравнению даже с солнечной, системка из двух планет при малой по массе двойной звезде, оказалась изумительным уголком вселенной, где возможна земная жизнь. И, может быть, даже в большей степени, чем на самой Земле. Шесть астронавтов эмоционально передавали данные об увиденном, по телевидению были показаны заснятые ими живые существа то милые, то откровенно страшные. Но неожиданно всякая связь с экипажем оборвалась, а немного спустя, было точно установлено о его гибели. Все полученные анализы об атмосфере, радиации, химическом составе окружающей среды не давали повода думать; что причина трагедии кроется в этом. Земная наука уже достаточно закалилась в тонкостях астрополётов. Неоценимая помощь, в своё время, пришла от других цивилизаций, существ очень высокоорганизованных, но и до сих пор, идущих с нами лишь на ограниченные контакты. Люди с этим смирились и, оставаясь благодарными им за при-

общение к сверхскоростям, сами начали открывать новые пространства, где песчинками находились те или иные формы жизни. И вот теперь, было достаточно очевидно, что экспедиция погибла под действием каких-то совсем ещё неизвестных сил, а, может быть, и в результате злого вездомного умысла.

Сейчас уже более подготовленная и оснащенная космическая группа направлялась туда, чтобы ответить о причине гибели "Зевса – 226" и его экипажа, а также для продолжения изучения уголка вселенной, показавшегося всем чуть ли не райским.

* * *

Дни текли всё более нудно... Вернее днями считались земные двадцать четыре часа, искусственно перенесённые в арамисовский распорядок, как впрочем и в распорядок почти всех других полётов. А тем временем к нежеланию передвигаться пешком несколько капризной Дорис, прибавилось такое же нежелание Чавана Мандры – парня сильного и, буквально одержимого полётами. Его специальность – астрофизик, но в полёте приходится заниматься почти всем, Чаван за всё брался с откровенной охотой, чем заслужил репутацию вечного двигателя.

Поэтому совсем неожиданным было его появление у Врежа. Появился он с какой-то виноватой улыбкой, но было вид-

но, что он передвигает ноги с усилием. Немного спустя Врежу стало ясно, что Дорис ничего не придумывала, хотя сама она, отлежавшись в своё удовольствие, уже несколько дней ухаживала за своей системой, словно и забыв о недавнем бессилиии.

С помощью командира Мандра был уложен в постель, а Бакунцу, да и, видимо, всем остальным арамисовцам настало время призадуматься. Правда, это вывело экипаж из полусонного состояния многосуточного бездействия. Но озабоченность такая была, что называется, не из лучших. Лучше бы уж её не было совсем.

Переговорив с Уэддоу, Вреж со следующего дня решил обследовать всех, с головы до пят, а пока связался с 0-21, увидев на первом экране, сначала сам конвойный корабль: эlegantный колокол с огромным порядковым номером, а затем и на экране пассажирского отсека режущихся в шахматы Шеметова и Жанкевски. Те, увлекшись сохранением собственных шахматных репутаций, не обратили внимания на сигнал включения связи. Вреж, поначалу и притих, – в нём затеплился огонёк профессионального азарта; хотя сейчас это могло походить на азарт эскулапа, вытягивающего самый большой в уезде зуб. За межзвёздными центурионами уже дважды сменился вид на стенах – это было хорошее решение проблемы одиночества, когда через некоторые промежутки времени, покрытие на стенах жилых отсеков меняет своё изображение.

...Знойная пустыня под синим-синим небом (земным небом-то!)... а вот уже блондинка под городским дождем... Что появиться теперь? – Может быть зимний пейзаж... Неплохо придумано, жизнь скрашивает. И почему "Арамис" этим не оборудован? Видимо из экономических соображений.

Вложив в приветствие всю мощь голосовых связок, Вреж вызвал у мыслителей лёгкий стресс и подозрительное шевеление губ, и, чтобы перешагнуть через предконфликтную обстановку, быстро заговорил о деле.

– Вас там слишком много, вот с жиру и беситесь. Мы здесь, вот ютимся, за вами следим...

– Что за нами сейчас-то следить?

– Надо и сейчас, уже почти подлетаем... Так вот: не жалуемся мы не на что. Зуб шалил, – я его уже наставил на путь истинный. И инфекция ваша до нас ещё не дошла. Кстати, мы, для разнообразия, каждый день гулять ходим.

Выходить гулять – означало выходить в космос на эластичной связке, позволяющей улетать от «дома» на 200-300 метров. Мини-двигатель позволял удаляться-приближаться. Задумано всё это было для передвижения по поверхности корабля при осмотре или ремонте. Но любители острых ощущений позволяют себе обозревать со стороны сочно раскрашенные корабли, которые, благодаря подсвету и иллюминаторам, сверкали жемчужинами в бездне шестого океана. Связь с Землей даже технически была редкостью, а уж гра-

фик передачи информации и вообще не баловал. Так, что даже припугнуть за это мелкое космическое хулиганство никому не представлялось возможным, и при полётах на сверх-скоростях выкидывалось

и не такое...

Что ж на 0-21, значит, всё нормально...

Прошедшая на следующий день медкомиссия оказалась формальностью: все "гомо сапиенсы" – в норме (единственное предписание: Яшу Уджаяни – сбросить явно лишние 5-7 килограмм).

Так проползли ещё шесть дней.

Ставшая почти родной звёздочка, так долго бывшая единственной, не созданной человеком материей, стала почти незаметной. Скоро и её фотоны не коснутся ни «Арами-са», ни 0-21, ни сетчатки глаз астронавтов. Ещё через неделю корабли должны будут войти в зону видимости звёздных скоплений, а после этого начнется гамма-поиск цели полёта, не имеющей пока названия. (Вероятно, звезду назовут Зевсом – по первооткрывателям, а пока по каталогу это 241-8-878-432-6, а для араμισовцев упрощенно – шестёрка.)

Долго ли, коротко ли будет длиться поиск, это уже техническая сторона, но всё происходящее будет вложено в многозначительное «подлетаем».

А пока Вреж набился в помощники к Файру, Зимогляду и Ван Шао, проводящим один из последних экспериментов, входящих в полётную «текучку». Упрощённо: пласти-

ну специального сплава за пределами корабля, надо зондировать комплексами излучений. Всё это для оценки свойств материала в момент изменения его внутримолекулярной строения... Не очень интересно... Но где выбор? Задача Бакунца для большей достоверности продублировать запись диаграмм.

Бегущие оранжевые и очень голубые точки, сопровождающиеся тихим, но в тишине чётким, плавно изменяющимся сигналом создавали ощущение цветомузыки, пусть – далёкой, но очень реальной.

Немного размечтавшись, Вреж прозевал начало опыта и включил запись с опозданием, но большой беды в этом не было – это же дублирование. Передав свою копию Тиму Файру, Бакунц увидел способ разрядиться: подвернулся тубик золотистой пасты – и золотое солнышко заулыбалось на сидении у приподнявшегося американца, а когда тот сел, Вреж удалился с сознанием сделанного. Не очень-то шумя, он сидел у себя в купе, выжидательно прислушиваясь. Но было тихо. Видимо, «солнце» никого ещё не осветило.

Ну вот, кажется, засуетились. Видимо спешат вывести светило с белого одеяния Тима... А может, тоже что-то задумали? Но с отсутствием он опоздал. Все коллеги – экспериментаторы уже затолкались в его купе и, молча, положив его дублирующую диаграмму, уставились на него. Вреж совсем уже невпопад поинтересовался их самочувствием, наверно потому, что внутри что-то немного ёкнуло...

– Не о самочувствии сейчас речь, – начал Зимогляд, при этом, случайно проведя взглядом по «обратной стороне» Файра, но никак не отреагировав. – Ты, как настраивал свой прибор перед записью? Строго по инструкции?

– Ну, уж с этими приборами работать – это прописная истина, – изумился он вслух. – А что случилось-то?

– Не мог ли ты, Рей, сделать шаг за шагом то же, что и первый раз? – это уже Тим продемонстрировал очень заинтересованное выражение лица.

Вреж был уверен: его хотят разыграть, возведя в квадрат его полуневинную шалость. Не правильно улыбнувшись, он последовал их просьбе, выйдя, на всякий случай последним и украдкой отряхиваясь.

Он проделал на уже неработающем приборе примерно всё то же, тем более,

что многого вспоминать было и не надо. При этом никто его не облил, не измазал, никаких других шалостей из трудных классов также не последовало.

– Посмотри, что получается. – Ван Шао повёл Врежа в экспериментальный отсек и наложил дублирующую диаграмму на светившуюся на дисплее.

Нельзя сказать, что Бакунц был тонким знатоком чужих нюансов, но было ясно, что в конце эксперимента были зафиксированы разные результаты.

Неясность устраняется повторением, и это решили сделать завтра. Правда, при этом Файр, больше других пре-

успевший в материаловедении, что-то призадумался.

* * *

Рано утром Шеметов с 0-21 связался с Уэддоу. Люди, как известно, разделяющиеся на «жаворонков» и «сов» в данном случае относились друг к другу весьма терпимо: поздно никого не беспокоили и рано тоже. Поэтому раннее появление на экране физиономии в экстравагантной оправе немного удивило.

– С добрым утром, Денис, – опередил Шеметова командир – Или ты ещё не ложишься?

– Понимаешь, Майкл, Даниэль мне перед сном про какие-то пятна сказал... В общем, мол, ржавчина на вас...

– На ком? На мне?

– На «Арамисе» вашем.

– Он не только наш, но и ваш...

– Это чуть серьёзнее. Включил я сейчас обзор и действительно на обшивке у вас два пятнышка. Раньше их не было. Взгляните, прогуляйтесь, мало ли что...

Уэддоу довольно оперативно обвёл внешней камерой весь корабль и действительно нашёл какие-то потемнения, напоминающие ржавчину. Технически, такое было маловероятно: обшивка рассчитана на куда более страшные условия, да и жалоб на эту модель ещё не было. Так, ну а что нам скажет анализ в записи? ...Да... Техника... Летаем ещё! Как же

тут...

Командир отправил на разведку Фернандуша и Ли Даогуня, но когда те были, можно сказать, на пороге, прознавший об этом Файр, стеной загородил выход. После этого о вчерашнем недоразумении с опытом узнали уже все. Но долгожданным маленьким приключениям, всё равно почему-то никто не обрадовался.

К повторяемому эксперименту с металлической пластиной собрались зрители.

Приборы, равнодушно мигая, отработали положенное, и над результатом сгрудились все присутствующие. Диаграммы опять были разными. И более того, они уже не лезли ни в какие ворота: металл тождественно равнялся вакууму... Поколдовали над аппаратурой, но почти безуспешно, получается, что внешние датчики уже выходят из доверия... И что случилось? Контрольный дисплей о поломке смолчал, в памяти его на этот счёт – чисто, хотя сигнал отказа всех внешних приборов он всё же даёт! Быстро всё это связалось с пятном на обшивке. Прощупать изнутри эту «ржавчину»? Астронавты, не очень спеша, но молча и дружно, направились под предполагаемое место нахождения пятна. Получалось, что это место проецировалось в купе Уджаяни. Тот сидел в довольно растерзанном виде и, отдуваясь,пил воду. Капли пота и измученное его лицо как бы подозвали к нему Бакунца первым.

– Что случилось?

– Так... Всё нормально. А чт это вы все? По-моему вы все хотите ко мне втиснуться... День рождения у меня ещё не скоро.

– Что с тобой? – спросил Уэддоу; уж ему-то все отвечали только серьёзно.

– Ну что... – Яш Уджаяни вздохнул. – Было уже у двоих...

– Но они были не такими выжатыми.

– Всё равно вы не знаете – чем помочь...

– Не говори ерунду!

Командир вывел всех из купе, оставив там Врежа. И так, с конвойного корабля видели два пятна – где второе? ... А все ли здесь? Одни мужчины... Не было Дорис Гимус.

К Дорис постучал сам командир. Несколько раз позвал её – тишина. Уэддоу с изменившимся лицом обернулся к остальным, и через два мгновения дверь была снесена.

Дорис лежала под одеялом с закрытыми глазами. Крикнув «Рея – сюда!», командир схватился за её пульс, тут же бросил руку и припал ухом к груди. За Врежем, почему-то, побежали двое. Фернандуш плеснул ей в лицо из графина... Но от испуганной суетливости никто поначалу и не заметил, что Дорис спокойно дышит и даже выглядит просто спящей. «Озарение» пришло вдруг как-то всем сразу. Уэддоу приподнялся и остался сидеть на кровати, поглядывая на остальных со смущённой улыбкой. А улыбка на его лице – явление редчайшее – вот тебе и американец. Вообще он здорово смахивал на немолодого индейца: узкоглазый, с рябоватым

лицом, но на самом же деле это было лишь недоразумением природы.

От вылитой на лицо воды Дорис медленно поморщилась, потянулась, но глаза не открыла. Её сон длился уже часа два лишних.

Топот прыжков. Вот и Вреж. Осмотр, давление, ритм сердца, температура – всё делается быстро. Но все уже успокоились, и он – тоже. Глазеющих Бакунц выставил за дверной проём, но никто, тем не менее, не расходился. Лишь Фернандуша больше интересовала сама дверь, но может быть потому, что он всё время держался за разбитое при взломе колено.

Четвёртый раз уже Бакунц видит тоже самое: человек здоров, но слабеет, становится апатичным, с трудом двигается. Такие признаки бывают у различных болезней, но ему самому-то не удалось найти отклонений; даже функционирование мозговых полушарий стабильно. Одному – двум можно было бы не поверить, а теперь? Космическое что-то? Не хватало ещё... Дорис не будится: толкай – не толкай. Поводил мягким проводком по лицу. Сморщилась, даже улыбнулась, но спит по-прежнему. Что ж... подождём. Наверно, ещё можно подождать. Пока...

Нет худа без добра: скука на корабле теперь уже совсем кончилась. Но и такому добру опять-таки как-то не радуются. Что поджидает людей в этой чёрной мгле, где о чьей-то

помощи и думать-то наивно. Пока, может это и мелочи, но воздействует же что-то на людей в современном строго стерильном звездолёте... Видимо, эта беззвёздная бездна не так уж пуста... А приборы так и не показали не одной космической частицы, почти нет следов полей. Худо, если эта "сверхпустота" уже сама по себе следствие чего-то. И что это происходит с металлом? Знать бы заранее – да курс изменить от греха подальше...

Думай – не думай, а информация – та же точка опоры, и её отсутствие правильный ответ не породит. Уэддоу перевёл часть энергопитания на канал аварийной связи. Но что, собственно, могут сказать с Земли? Дадут приказ о возвращении? И это на пороге цели... Словом, связь ожидали в унынии. Пострадавшие оставались на прежнем уровне: одна – спала, другой – расхаживал в сильной испарине.

Космическая связь отставала от развития летательных аппаратов, которые сверхскоростями частично форсировали пространство. Связь же так и оставалась в тисках чисто земной прямой, так, как сигнал воспринимался лишь прошедший только три наших родных измерения: в противных случаях пока получался хаос.

Вынужденные разговаривать через космос по старинке, астрослужбы рассеяли где-то в пространстве множество радиомаяков, совершеннейших и надёжных. Эти маяки, хотя и использовали сравнительно примитивные идеи, по своему уровню опережали, кажется, всё остальное, рождённое в

светлых муках самосовершенствования землянина. Но землянин не каждый камень может обойти сразу, и не на каждой дороге. Вот и уходило долгое время на прохождение между маяками сигнала, многократно для краткости кодируемого и многократно дешифруемого. Иногда между вопросом и ответом проходили часы.

Дальняя волновая связь работала. Дифференциатор частот натужно сбрасывал пучки противопололей наружу. И эти вспышки, отблескивая в иллюминаторах, давали нужную соломинку: мы, мол, ещё не так беспомощны.

Ответ с Земли пришёл категоричный: «Всем в камеру жизнеобеспечения (то есть в «Аквариум»). Состав конвойного корабля подменять наиболее здоровыми астронавтами. При полёте к цели – вновь выйти на связь»... Хорошо, хоть не вернули... Так... Ну, а разбудить-то Дорис всё-таки надо. Двадцать часов уже спит. Разбудить, чтобы уложить снова.

Вреж и временно эскулапированные Ван Шао и Яш (как уже искушенный) начали тормошение. Но это уже было. Позизощрялись в уговорах – по-прежнему тщетно. Кончилось всё – шприцем в руках медика. Хорошее тонизирующее заставило Дорис улыбнуться и что-то промурлыкать, но и даже теперь, глаза она не открыла. Но было видно, что всё слышит. Летаргия?

Довольно неожиданно Уэддоу прервал свои весомые дела и появился рядом с агукающими папами. Что-то ему не нравилось. Под надуманным предлогом он отправил всю трои-

цу в свои купе, а сам остался со спящей царевной. Не успел Вреж и дойти до своего угла, как, краткий женский вскрик заставил его кинуться обратно... Дорис сидела с опухшими, еле открытыми глазами, мимо которых тоненькими струйками стекала и капала вода, образуя вокруг, уже солидную лужу. Майкл Уэддоу с недоброй улыбкой держал влажный бочок из холодильника, стоя, однако, у самого выхода: но в глазах у него прятался олимпийский огонь. Бакунц полотенцем высушил ей голову. Тихо отстранив его, она медленно и тяжело встала и вышла.

– Вы же тоже лили на неё воду: она – реагировала, – не в своём стиле, заоправдывался Уэддоу. – Вот я и поднял её большей дозой. Это же народная медицина!

– Командиру возражать трудно.

– Вообще я не сторонник брать в полёт женский персонал. Женщина, прежде всего – мать, а мать стережёт очаг... Позови Файра. Где там его пятна?

«Тебя бы – во времена инквизиции» подумал Вреж, но вышел молча и позвав Файра, присоединился к окружившим остановившуюся посреди дороги Дорис. Здесь стандартными шутками и другими дозволенными средствами вводили соню в нормальное состояние. Будь начеку Бакунц: она должна выдержать незапланированный аквариум!

Файр, покопавшись с коллегами, заявил, что незначительное нарушение обшивки корабля, всё же имеется. Одно пятно точно «выходит» в купе Уджаяни; второе же, если и каса-

ется апартаментов Гимус, то лишь чуть-чуть, а, скорее всего, находиться просто рядом.

Информация была, ответов никаких не было: значит, это и не информация... Как бы, там, не было, а подходил всеобщий «отбой». Каждому – своё: Врежу – гора рутинных дел, а командир связался с 0-21, пытаюсь уложить спать и космических полицейских. Те сначала мялись, но потом отказались наотрез. Майклу самому не хотелось в спячку, и он надеялся занять на оставшийся месяц, одно из мест в уютном корабле с «живыми» стенами. Но, получив отказ, успокоил себя тем, что перелёт из корабля в корабль в одном скафандре, сейчас может быть и небезопасен. Он передал код выключения камеры жизнеобеспечения, как свой, так и Бакунца и откланялся. Теперь, в случае каких-либо неприятностей, с 0-21 кодом-ключом легко разбудит командира и медика.

Даниэль Жанкевски долго смотрел в иллюминатор на большую освещённую точку. Там их подопечные отходят ко сну, сновидений им не уготовано, но и время пролетит незаметно. Плохо это или хорошо? 0-21 вращался сравнительно медленно и точка – «Арамис» был почти неподвижен. Не было бы наружного освещения кораблей – вообще бы друг друга не увидели бы.

Он включил первый оператор. На сигнальном экране уже горело несколько красных точек – количество уснувших. ...Брр! С неважным настроением они укладываются, это

уж точно. Посмотрим, где та ржавчина? Не увеличилась? – Нет... Всё такая же... Стой! А это что? Ещё два пятна!

– Денис! Смотри...

– Ещё?..

– Два вместе...

– А ещё здесь, видишь?

– Ну... Что делать?

– Пять всего, по-моему...

– А вон там? А уже семь насчитал!

На «Арамисе» было уже восемь округлых пятен ржавого цвета. Вновь будить экипаж, наверное, бессмысленно. Чем-либо помочь сейчас тоже нельзя. Остается надеяться на лучшее и ждать прилёта.

Оба внимательно осмотрели свой корабль оператором, затем Денис рискнул выйти и осмотрел покрытие детально приборами. Нет, у нас всё нормально... А что же, тогда с подопечными? Чем они заразились?

Когда Денис уже входил в свой корабль, он выключил аварийный свет. Внешнее освещение на него не падало, и крошечная мгла проявила мельчайшую звёздную сыпь. Этим была, пока ещё очень далёкая, цель этого полёта. Шеметов вглядывался в едва заметные пылинки, как в надежду. Он был гигантом рядом с ними, и всё же он боялся, что они, вдруг, вновь пропадут, эти невинные серые соринки, представляющие на деле исполинские светила, дающие и хранящие колоссальную энергию, способные породить и сжечь,

неудержимые в своей силе, владеющие вечностью, но о себе дающие людям лишь общие представления.

К Даниэлю Денис вернулся торжественно. Тревога у обоих сменилась приподнятым настроением. Теперь не будет ощущения, что корабль находится неподвижно в бесконечном чёрном тоннеле. Окружающие звёзды вернут им знакомые чувства астронавта. Похоже, арамисовцы легли спать на самом пороге космического рассвета, если уж сравнить такой полёт с земным ночным экспрессом. Теперь цель всё ближе. Ближе и главное.

Глава 2.

Уже почти месяц прополз у Даниеля с Денисом в созерцательных заботах об "Арамисе". Неприятно чувствовать беспомощность, ещё неприятней, когда знаешь, что и в следующий раз будет происходить то, что от тебя не зависит.

Проржавев в одиннадцати местах, корабль всё же подошёл к цели. К успокоению, новых болячек на обшивке не появлялось уже давно. Подходило время пробуждения. Программа сна была индивидуальна для каждого и учитывала чуть ли не всё на свете. А, в результате, последний мог проспать больше первого проснувшегося на три дня. На деле, обычно, первый же бодрствующий "вручную" будил остальных – машины дисциплинированнее людей. Аналогичную дисциплину продемонстрировал и 0-21, включивший код пробуждения Бакунца на двое суток раньше. Оправдание? – Да просто нервы – не металлические: кто знает, что это за "ржавчина" и не сделала ли она сон землян недопустимо глубоким...

Дополнительных психических нагрузок Денис с Даниелем всё же не получили. Как полагается, погасла последняя красная точка, и так как они заранее включили сигнал экстренной связи, довольно скоро на экране появилось, пока ещё полукаменное лицо биолога.

Ну, отлегло... Конвойники заулыбались. Вреж стоял на получетвереньках, но уже приходил в себя. Первые его слова

были глубокомысленны: "Как много в Мире идиотских улыбок!" Вот так наплевав в душу, Бакунц выключил экран. Но через два часа, уже войдя в колею, он сам вышел на связь, на долгий, похожий на послеотпускной, разговор. И откуда только взялись новости в этой пустоте?

Неожиданно, на экране, за спиной Врежа, появилось улыбающееся лицо с цыганскими чертами, которое полицейские не сразу-то вспомнили. Проснулся Сандро Ренальдини, автомат его "Аквариума" сработал, и трёхмесячный перелёт остался для него позади в воспоминаниях одного лишь старта. Настроение у него было прелестное и тем приятнее было с ним познакомиться: до полёта Денис с Даниелем его почти не знали.

Вреж и Сандро направились трубить зарю для остальных, начиная с командира, а экипаж 0-21 размечтался в ожидании появления на экране теперь и Моники Виерры, которую они мельком видели перед стартом. По мнению обоих, ещё раз посмотреть на неё стоило, а если бы не один раз-то и ещё лучше...

Проснулись все. Корабль наполнился энергией людей, готовых хоть завтра взглянуть на "шестёрку". Варёной, к сожалению, оставалась та же Дорис и решением командира она была передана под надзор медика-биолога с вольным распорядком дня. А Файр уже сколотил команду и прилип к внутренней стороне "ржавых пятен". Пятен этих уже почти не боялись, так как ни явных, ни предполагаемых козней от них

не исходило уже почти месяц.

Потоптавшись понемногу рядом со всеми, командир скрыто, но торжественно обвёл взглядом тех, кого было возможно, и незаметно удалился в тесноватый отсек с излучателем. Пришла пора готовиться к так называемому гамма-поиску. Ведь точного то их расположения в пространстве ни одна душа не знала. Ещё надо было искать и саму систему, открытую "Зевсом – 226": она уже где-то близко, но пока лишь только "где-то"...

Практически всякая, вновь посещаемая планетная система регистрируется в Астрослужбе по получаемому гамма-коду её светила, который является более подробным паспортом, чем спектр, сугубо индивидуален, и, если применить более досадное сравнение, равен по значению отпечаткам пальцев человека с нечистой совестью. Естественно, что гамма-код "шестёрки" на корабле имелся – надо было просто включить поисковый излучатель. Может быть, стоит, и поторопиться, так как через три дня плановая связь с Землёй и надо бы передать свои пока неведомые координаты.

Включена подготовка, затем нуклонный аккумулятор... ну вот... вибрация... Ну, да ничего... Запуск... Теперь вмешиваться уже не надо только следи за дисплеем, который здесь самый красочный: рассчитан на электронный "глаз". Стереомультик, правда, немножко замысловатый.

– Майкл хочет ещё раз открыть "шестёрку". Но на сей раз лично! Представляете: "Звезда Уэддо"! – таким свободным

с командиром мог быть только Ренальдини. Он-то и втиснулся к излучателю, вовсе не ожидая ответа на свои реплики. – Перед стартом был разговор, что питание на излучатель не очень чистое: по второй шкале идёт, кажется... Так что придётся тебе через каждые десять минут делать переключение.

Он потянулся к пульту, но командир выставил локоть так, что тот не смог дотянуться.

– Ну и копайся сам!

– Понадобишься – позову.

– А между прочим Чаван уже раскусил нашу "ржавчину". Это – след излучения, только не ясно какого... Но как бы там не было, а антилучевой слой, значит, всё же пробит и поиск твой точным не будет.

– Когда же он успел? Я ведь только оттуда.

– Что, Мандру не знаешь? Он на ногу быстрый...

– Ладно, постой здесь. Посмотрю, что у них.

Мандра и Файр вертели в руках выданную диаграмму, неуверенно, что-то предлагали друг другу. Рядом были активные советчики. Но, что весомого можно было сказать, если даже память анализатора не "вспомнила" подобного излучения? И эта, видимо не слабая радиация, разгуливала без всякого источника в межгалактическом пространстве!

– Одинокие звёзды, вообще, часто встречаются? Вне галактик, я имею в виду...

– Да понял... Бывают. Лёгкие, распадающиеся... Ты это про ту звезду?

– Про ту, Чаван, про ту... А, может, мимо нас какой корабль пролетал, а мы его не заметили? Не из наших, так сказать... У них энергоисточник такой же, только посовременней, конечно. – Мандра скопился на отсек, так и именуемый, по старинке, топливным. – Мы же его от них и получили...

– Да знаю... Ну что, Майкл, скажешь?

– Что я – анализатор? Ты, Тим, может и прав. Не со всеми же гуманоидами мы перезнакомились. И у кого мы в гостях – никто не знает.

Уэддоу, как и положено командиру корабля, был, прежде всего, энергомехаником. Их отряд в Астрослужбе так и называли шофёрским. Его и беспокоило, в первую очередь, состояние корабля, тогда, как другие таких симпатий к самому "Арамису" не испытывали.

– Что бы там ни было, – продолжал он, – а главное, сейчас, закрасить все пятна антилучевым слоем, а то, если, выйдет из строя излучатель, то и совсем одни останемся...

– Кто про что... – недовольно проронила Моника, которая сразу после долгого сна попала в аварийную обстановку и явно побаивалась.

– А провожатые-то наши целёхоньки? – Зимогляд склонился к иллюминатору и посмотрел на яркую точку.

– А они, Эдик, вооружены, с ними никто не хочет связываться, – нравоучительно похлопал его по плечу Вреж, и другой рукой всунул ему в рот таблетку, принимаемую перед выходом в космос.

Уэддоу и Зимогляд уже несколько часов замазывали пятна на обшивке. Но получалось что-то не очень. Заступила вторая смена, затем третья, в которую напросилась Моника, причём в пару к антифеминисту Уэддоу, который уже отдохнул. Им в след захихикали, предвидя будущие сцены. Но сцен не было, вернее они просто не успели произойти, так как неожиданно диаграммы анализатора показала норму, слой восстановился, а в удовлетворённом состоянии конфликты, обычно не происходят. С "0-21" Майкл и Моника были сфотографированы. Снимок вышел очень романтичный, и если бы его увидел командир, спасибо бы не сказал.

Ну, теперь ничто не мешало проводить гамма-поиск, смущало, правда, одно но. Цвет и форма пятен по-прежнему просматривались сквозь закрасившую их эмаль. Микроволновый лазер быстро делал эмаль и корпус корабля единым целым, но заколдованные пятна проявлялись, тем не менее, с завидным упорством. Но, всё же, говорившей своё веское "да" аппаратуре поверили и поиск "шестёрки" был продолжен.

Ренальдини оказался прав: идеально излучатель не работал. Но делать, что-либо уже поздно; координаты вырисовывались очень медленно. Когда подошёл сеанс связи, пришлось ограничиться стандартным сообщением о состоянии экипажа и степени трудности полёта. И всё же, теперь, Астрослужба могла передать всем близким, что в столь далёком

космосе всё нормально, а, порой, и это не мало.

Пока большинство на "Арамисе" поочередно дежурило у излучателя, Вреж с Файром начали перетряску той рентгеносистемы, с которой начались текущие наваждения.

Кто ищет – тот найдёт: почти на всех пластинах были следы того же непонятного излучения. Значит, началось всё ещё тогда... Может это излучение – разновидность неведомой информации; может – кто-то нас звал, пролетавших мимо... Рассмотрим эту радиацию поближе, только уже не в космосе; может и разберемся...

– Помнишь, Вреж, ту звёздочку, на которую ты любил смотреть? – это к Врежу подошёл Ван Шао.

– Когда? Месяц назад? Помню. А почему ты спросил?

– Почему та звёздочка совсем одна?

– Я не астрофизик, по-моему, тебе об этом – лучше знать.

– А ты и знать не хочешь?

– Так что с этой звездой? Погасла?

– Дело в том, что, как и ты знаешь, очень редко встречаются светила, настолько удалённые от других. Конечно же, эта звезда, наверно, не так уж и одинока; просто мы под таким углом её видели. Но мы с Робертом...

– Фернандушем?

– Да! ...смотрели на неё через наши кристаллы. Ничего, в общем-то, не нашли, следов других звёзд по близости нет. Кстати, сама звезда во многом схожа с нашим Солнцем, спектры очень похожи... Так вот о спектрах... Спектры этой

твоей звёздочки оказались плавающими. А это большая редкость. А я, сам, так и не встречал этого вообще.

– И, как именно спектры изменялись?

– Постоянно. Каждый замер уже "плыл". Мы бы не обратили на неё внимания, если бы она не была так похожа на солнышко. Но солнышко-то, можно сказать, почти постоянно, а эта – меняет свой состав через каждый пучок энергии. Парадокс? Но парадокс, видимо, только для нас.

– Наверно к этому вторсырью и ваши кристаллики можно уже прибавить. – Вреж наступил на фэйровский аппарат, но Тим рефлекторно столкнул его ногу со своего поржавевшего питомца.

Слова Ван Шао Фэйр слышал лишь вскользь, но теперь повернулся в его сторону. Впечатлительная же Моника вслушивалась во все разговоры и сейчас тоже ловила каждое слово.

– Это ты зря, – продолжал Ван Шао Врежу, – наши кристаллы – на высшем уровне: у нас условия среды значительно мягче, материалы другие... Другое дело после нашего с тобой опыта у вас появилось недоумение, а у нас тревога: если "чудо" не первое – то что-то к нам прилипло... или кто-то... Спектры мы показали командиру, но он почему-то, просил об этом не говорить.

– Подожди, Ван. – Моника держала свои локти, чтобы занять чем-то руки. – Ты хочешь сказать, что здешними бедами мы обязаны этой вашей звезде?

– А какими бедами? Этой пресловутой вялостью? Ну... А почему бы и нет? – прежде, чем ответить Ван Шао подержал на лице некоторую гримасу – Раз у нас пока других объяснений... Конечно, вы понимаете, что я не настаиваю на своей правоте.

Некоторое время держалась глубокомысленная тишина, и Вреж, не дожидаясь, когда она прервётся, удалился вслед за праздно гуляющей Дорис. Последней до него долетела чья-то фраза:

– Живая планета... Планета – разум... Об этом говорят известные нам инопланетяне. Вот мы им, может, и пригодимся.

Странно, раньше Гимус, как и все, страдала от безделья, но стоило освободить её от почти не существующих обязанностей, как каникулярное настроение возымело свою жизнепорождающую силу. Встречаясь с её затуманенным взглядом, астронавты, нередко, теряли ощущение космоса. Дорис нравилось не подчиняться никому, включая командира, с его вмешательствами куда и не надо. Линию держаться она не сменила даже в присутствии яркой Моники, которая, впрочем, думала совсем о другом и вовсе не пыталась бороться за первенство. Моника Виерра по характеру, скорее, соответствовала тому же командиру, или же несентиментальным Мандре и Зимогляду; она вообще была противоположностью своему соотечественнику, хотя уживались они с Сандро, кажется, легко.

Дорис неслышной походкой шла чуть впереди Врежа, слегка повернув голову в его сторону. Небольшую порцию праздной болтовни завершила фраза:

– А Уэддоу стал ко мне значительно мягче...

"Ты думаешь – это твой успех?" мелькнуло в голове Бакунца, но вслух он сказал другое:

– Командир – не железный... Кстати, его дочь недавно по одной из программ показывали – за, какие-то, там, заслуги в колледже. Я к тому, что не всегда он был жёноненавистником.

– Сколько же ему лет?

– Сорок... Плюс-минус миля.

– Скорее всего, плюс... Посидим?

Вот её купе. Сели. Ничего путного, если честно, от неё Вреж не ожидал, и был не очень "здесь", хотя леди и смотрела на него с проницательностью, что со стороны являло бы саму пикантность.

– Я не случайно про Уэддоу последнее время спрашивала. Я куда больше вашего спала, выспалась, и уже не всегда использую для этого так называемую ночь...

– Интересно.

– Будь серьёзнее. Так вот, – она заговорила, отделяя каждое слово. – Командир два раза выходил на связь, когда вы все спали. Причём, выходил легко, очень легко, не было поисков, никакого шума, ничего прочего. Всё, что я говорю – это абсолютно точно.

– Командир наш... что-то, вроде, космического шпиона? – ничего другого Бакунцу на язык не пришло.

А Дорис многозначительно молчала. И как она преобразилась! Вид у неё сейчас был далеко не томный. Это был вид уверенного, сильного человека, человека-астронавта.

– Ну, а серьёзно... Ты это сказала, что имея в виду?

– То, что сказала. Уэддоу от нас что-то скрывает. Более того, оказывается можно подготовить более лёгкий выход на связь, но никто из нас об этом не знает. Сейчас командир уже догадывается, что я его раскусила, и стал ко мне помягче.

– Это ещё не раскусила.

Призадумавшийся Вреж был уже снова в космосе.

– Но у нас же есть штатный психолог, с Ли Даогунем ты говорила?

– А зачем? Ли Даогунь обязан подмечать всё это раньше всех, между прочим, и наше уединение тоже. Но ты врач, и тебе единственному предоставлено право уединения без кривотолков. Одним словом, пойми: здесь, что-то не чисто, – она состроила какую-то уже сказочную гримасу, оканчивая, разговор в шутовском ключе, как человек, которому удалось высказаться на щекотливую для него тему.

* * *

Терпеливая осада излучателя, наконец, дала результаты. "Шестёрку" нашли, координаты "Арамиса" относительно её,

отправлены в память, дальнейший полёт уже дело автоматик. Но... Как и обычно, без "но" – никуда. И фактическое расстояние до этой белой двойной длинновато, и траектория в зонах мощного звёздного ветра кривовата: и вот уже энергозапасы на корабле меньше расчётных.

Уэддоу провёл "земное" собрание. Все долго разводили руками, спорили, чуть не переругались, но всё равно, в конце концов, решили пока ничего не выдумывать, в надежде потом разбиться в доску, но подзаправиться на посещаемых планетах. Такое, конечно, было возможно, но далеко не обязательно. Пожарная ситуация ещё предусматривала увеличение экипажа "Арамиса" на двоих, использование энергии конвойного корабля и превращение серьёзного "0-21" в безмолвно-добродушный сувенир далёкой Земли – здешним мирам.

Так или иначе, но скоро – посадка. В иллюминаторах – звёздное пространство: намного более любимый пейзаж, чем ещё недавний, да и смотрелось это небо, как-то, по-хорошему. Ничего удручающего в настроениях ни у кого не чувствовалось, хотя полёт "Арамиса" складывался уже не лучшим образом; его предшественник – "Зевс" на этом участке был удачливее. Хотя, кто это точно знает? Милые, улыбающиеся звёздочки: для несведущего – совсем как у нас. Но они-то совсем-совсем чужие...

Последняя неделя перед торможением тянулась долговато, терпение начало сдавать. У Врежа это выразилось в тон

его специальности. Без затруднений обращённый кое-кем в детектива, он пас командира тайком и даже открыто, одновременно обходя за версту Ли Даогуня, знакомого с парапсихологией и способного поймать на тайных мыслях. Наконец Бакунц, придравшись к пустяку, запер командира для тоскливого всестороннего обследования. Запуганный медицинскими терминами Уэддоу почти не сопротивлялся. Вреж ввёл ему немного астимулятора вторичной нервной деятельности, не давая, при этом уснуть. Теперь врач мог разговаривать с подопечным и, используя притупленную бдительность последнего, задавать ему каверзные вопросы. Подноготную таким способом, может, и не узнаешь, но, используя вопросы с заведомо известными ответами, можно уловить "формулу лжи" пациента. И Вреж уверенно шёл к своей новой цели. Прокисший Уэддоу мямлил ответы на дубовейшие вопросы, а Вреж считывал с датчиков по разрядам выражения лица, речевые обороты. Поймать "формулу лжи" командира оказалось очень легко; проще говоря, он и врать-то не умел.

Обследование закончено, введено тонизирующее, но полчаса лучше не вставать. Для отвода глаз Вреж затащил на осмотр ещё троих, в том числе и Ли Даогуня. Как видит командир, осмотр этих троих таким подробным быть не может из-за стеснённости, сколько просил расширить медицинские отсеки: никто не слушает. Но если этот диагностик даст отрицательный ответ, то опасения врача, слава богу, окажутся напрасными. Разумеется, так и оказалось. Все вышли с ви-

дом облегчения, и лишь Ли Даогунь, выходя последним, через уменьшающийся проём закрывающейся двери посмотрел Врежу в самые глаза.

Оставался день до торможения. Звёздная гравитация близлежащих светил сделала своё чёрное дело. Запасов энергии уже теперь точно двум кораблям на обратный путь не хватит. А очередные трудности – какие? Усыплять на следующий день всех арамисовцев; торможение, разумеется, далеко не первое, но всё равно это процедура какая-то не жизнеутверждающая. Ещё эта коррозия... Дар какого-то невидимки. Не прогрыз бы этот невидимка обшивку вообще...

Как-то в купе к Врежу, собиравшемуся уже напоследок увидеть земной сон, вплыл Ли Даогунь. Бакунц понял, что попался. Он лёжа замер, всё ещё в надежде выкрутиться.

– Вреж! ...А Вреж!

Не Рей, а Вреж! Это уж было поразительно.

– А... Ли! Только, что-то ты поздно. Или что стряслось?

– По-моему ты понимаешь, зачем я зашёл.

– Дай подумать, может пойму.

– Подумай.

И молчание. Вреж решил не тянуть резину: бунты на кораблях известны ещё с Карфагена, но не всегда же – за борт.

– Тебя интересуют мои отношения с командиром?

– Поделись... Может, не пожалеешь.

– Ты за ним ничего не замечал?

– То, что он постарше нас, да и это не очень бросается...

Ли Даогунь улыбался, но смотрел прямо в глаза, а это не всегда приятно.

– Хочешь узнать. Ли, что за процедуру я с ним проделал, тогда, на глазах у тебя?

– Зачем ты за ним, извини, шпионил? Или это – такие игрушки?

– Извини, что не встал при допросе!

– Ну вот, обиделся! Или это – вопрос тактики? Но, начал – продолжай! Не хотелось, чтобы у врача прорезалась бы магия преследования. – Голос Ли стал помягче. – Я же должен следить за совместимостью. Понимаешь, думаю. Ты психолог?

– Обучался, но специалистом не являюсь.

– Не обижайся... Итак, что Майкл натворил?

Вреж – рассказал, но Дорис ни разу не упомянул. Ли Даогунь был не готов к такому:

– Да, и мне теперь кажется, что что-то не то: чем-то он всё время обеспокоен... Говорил он уже, как-то невнятно и уже не смотрел в глаза. Бакунцу, правда, показалось, что собеседник, что-то не договаривает, но, тем не менее, Дорис Гимус заочно обрела второго союзника.

– И всё же какая-то ерунда: сжигать энергию себе во вред! Или он, по-твоему, не собирается возвращаться? – Для приличия, Ли всё ещё сопротивлялся.

– Вот и проверим. Делать, всё равно нечего. Окажется всё глупостью – задам ей трепку...

– Ей... Ну, всё ясно – кому.

– А, что тут? Не Монике же... Ну, созаговорщик, приятного сновидения, напоследок!

На следующий день все уже плелись к камере жизнеобеспечения; плелись нехотя, мол, опять... Но и некоторая торжественность тоже была где-то рядом: ради чего летели-то! На "Арамис" переправились Жанкевски и Шеметов и тоже улеглись в "Аквариум". Всё теперь отдано в руки автоматики. Вреж вошёл в камеру последним, до торможения ещё сорок минут. Сделать себе этот медвежий сон покороче? Или рискованно? Не привыкать! Через сутки всё равно самому всех будить надо... Итак, когда сверхскорость покажет ноль? Ясно. Вот через десять минут мне и вставать. Вреж знал, что и рисковал он серьёзно. Пробуждение возможно лишь при отключенном жизнеобеспечении, а что это такое при перегрузках гашения, он сам мог бы объяснить любому. Но так человек создан: ради мелочи он может поставить на карту полкоролевства... Пожав руку везению, Вреж принял лежащее положение, набрал код и стал куда-то проваливаться.

* * *

Чернота... Как её много... Чернота, или нечто? Чернота с

золотистыми бликами окутывала всё, проникала во внутрь, задевала всё живое. Какой активный этот кошмар; он не даёт никакого послабления! Полуживой Вреж чувствовал, что зависим от чего-то страшного, всесильного, имеющего такие неясные очертания и делающего так больно... Сознание работало лишь на одно: существование – это мучение... Как всё долго. А почему надо терпеть? Почему... Больно! Единение вечности и ада... А может? Да... Да, окошко! Где-то перед глазами прояснилось удивительно ясное окошко, которому он невероятно обрадовался. Появилось ощущение тишины, хотя шума до этого никакого и не было... В окошке виделся солнечный земной пейзаж, его яркость оттенялась окружающей чернотой и болью. Очень хотелось туда, в ту страну, где так бушует день, где блистает царство жизни... Но ночь вокруг всё не отпускала. Оцепеневшая память, как-то отдельно, выдала очертания живописных облаков в каком-то средневековом оконце... Картина? Да, это же – Мадонна Литта! В ярком прямоугольнике перед закрытыми глазами Врежа не было ни Мадонны, ни младенца, но им виделся лишь оживший эпизод из легенды, нашёптанный, так из далека, кистью великого Леонардо... Облака и зелень. Они очень давно растаяли, эти облака, но на маленьком кусочке картины они плывут до сих пор. Не изменилось небо над землей за эти долгие-долгие годы. И где сейчас она, эта наша Земля!.. А окошко, к счастью, становилось всё больше, постепенно оттесняя кошмар в никуда. И вот, наконец, зем-

ной предполдень впустил к себе измученного Врежа, дав ему земной сон, который, словно спохватившись, тихо растворился. Код сработал полностью, Бакунц, наконец, бодрствовал.

Корабль иногда подёргивался. Сверхскорость погашена, но нормального полёта ещё нет. Вреж чувствовал себя скверно, тем более жалея о только что пропавшем голубом мире: у только проснувшегося, сновидение – реальность.

Опасения почти сбылись, пробуждение его началось до окончания гашения сверхскорости, хотя и всего лишь за несколько минут. Сверхскорость и сверхторможение. А сверхторможение, значит свеверхперегрузки. Вот и защититься от них может только сверхспящий, то есть гравизащита безобидна только для полуанабиозника. А что это такое: остатки сверхторможения для не защищенного организма, Вреж теперь хорошо знал. Огненная боль в позвоночнике и окровавленный костюм оттенял мысленное проклятие собственной беспечности суточной давности. Поднялся он довольно тяжело. Медленно, не сразу нашел причину кровавых пятен: полопались сосуды в носу и в гортани, на ноге были две непонятные глубокие ссадины. И лицо, и тело были в синяках... Ко всем бедам он, кажется, стал хуже слышать.

Бакунц ввёл себе тонизирующее, умылся эмульсией, применяемой при травмах; пробуждение состава экипажа надо были встречать в форме. Зазмеилась злоба на Ли Даогуня. Это в его ведении находится функциональное регулирова-

ние камеры жизнеобеспечения, а ведь всё могло обойтись и дороже. Хотя и торможение могло пройти с отклонениями, а это уже сфера деятельности командира... Те же действующие лица... Остались бы подозрения детской фантазией! На сигнальном дисплее погасла одна красная точка – пробудился Ренальдини. Врежу, почему-то, очень захотелось рассказать ему о своих сомнениях насчет командира. Этот темпераментный человек просто источал жизнеутверждение, но и трезвые его глаза также запоминались. Сказать – не сказать? Нет не надо. Тем более, какие факты-то? Просто глупо будет выглядеть. Да и вообще, побитый вид биолога-медика как раз на руку именно Сандро, вернее ему на язык.

– Доброе утро Рей... Ого! Ну, уж им-то, наверно ты ответил как надо! Укладываться не хотели! Так их! Я бы на твоём месте поступил бы также.

– Ты закончил?

– Случилось что? – не очень свежее лицо Ренальдини стало серьёзным. Сон длился всего двадцать семь часов, но след полуанабиоза просто так с себя не стряхнёшь.

– Попал под перегрузки...

– Да это ясно. Торможение было дольше?

– Не знаю, дольше ли; может "Аквариум" от меня избавился раньше...

– Да ну... Ли Даогунь застрелится, если на его системе неположенная пыль появиться. Я, вот, почти три месяца проспал, доверился ему как отцу.

– Медведи по полгода спят.

– О, мы уже способны шутить! Но видуха у тебя, если честно, призывает к пессимизму. Спрячься на время, – он полуобхватил Врежа и потащил в коридор. – А то спросонья кто-нибудь инфаркт схватит... а ты, наоборот, лечить должен.

И уверенно подавляя сопротивление, улыбаясь на все тридцать два, он препроводил его к себе в купе. Отсиживался там Бакунц часа два. Он обработал раны, удалил кровь с костюма. Наконец – шаги, и в купе вместе с Сандро влетел Уэддоу.

– Как же это так! Какая несерьёзность! – командир начал ему выговаривать как школьнику. – Мало приключений за полёт... Проснуться, видите ли, пораньше захотелось...

Вреж его не очень-то слушал: уж кто бы...

Теперь с занесённым в память хронолога замечанием, он стоял около полюбившегося иллюминатора в незаселенной части корабля. Привязанности индивидуума: хорошо здесь и всё тут; но только мне одному... За иллюминатором как раз проплывала "шестёрка". Вреж хорошо помнил её снимок, переданный "Зевсом", и сейчас перед ним была именно она: уже почти два солнца. Может и планеты уже можно разглядеть? Да нет, конечно. Уплыла, опять – тьма, чувствовалось, что после торможения корабль вращался быстрее.

К нему подошёл Зимогляд. "Теперь каждый меня будет

рассматривать" – подумал Бакунц, но Эдуард заинтересованно уставился в непроницаемый сейчас иллюминатор. Выплыл хоровод звёзд, затем – голубое пятнышко и прилипшая к нему "шестёрка"...

– Видел? – царственно протянул Зимогляд.

– Что... Что? Туман? "Шестёрка" в туманности... А анализатор что выдал по этому поводу?

– Ничего, насколько я знаю. Предупреждений, по крайней мере, не было.

– Вот летим... Ну и экспедиции Центр собирает: считай вообще без приборов.

Зимогляд как-то многозначительно молчал. Наверно его самолюбие первооткрывателя пело сейчас свою песню. Область в пространстве голубого цвета, скорее всего туманность, окутывала их объект полёта, к которому столь тупо летел месяца, обвитый утонченной аппаратурой "Арамис". Но эмоции и выводы – потом. Тем более что навигаторы уже готовились, видимо, сказать своё слово: всех громко звала Моника. Вреж и Эдик подошли первые.

– Сферу видели?

– Для неё это – сфера.

– А твои приборы её видели?

– Было бы что страшное – они бы не смолчали. Командир эту голубизну должен тоже видеть, ведь мы, наверное, уже сближаемся.

– Не похоже, что сближаемся: не так сильно вращались

бы.

– Кстати, полиция наша должна уже отправляться в свой танк, пусть посмотрит на этот туман живьем.

– Как же, в этих капсулах много чего увидишь... Не могут сделать прозрачные конструкции: ведь всё равно же направленный перевод – в скафандрах.

– Вы бы Уджаяни сюда приволокли бы, а то ведь ему, должно быть, тяжело шевелиться-то. – Высказавшись, Моника, тем не менее, пошла за ним сама.

Как по волшебству тут же в дверь заглянул Шеметов.

– Здорово!

– И здоровей выдали...

Вреж поднял голову. Впервые за долгое время он услышал русскую речь. Многоязычие "Арамиса" сводилось к официальному эсперанто, почти все владели английским, которым иногда также пользовались. Остальные же языки были уделом лишь соотечественников и всё это несмотря на то, что каждый владел пятью, а то и более языками. Например: с Даниэлем Жанкевски Вреж мог бы изъясниться и на французском, и на армянском, но всё равно изъяснялся на эсперанто. Наверно так было привычнее, а может и ещё почему. Шеметов и Зимогляд разминали языки:

– Когда перелетаешь?

– Да сейчас. Даниель, вот, подойдёт...

– Туманность видел?

– Да показали... Но я не разбираюсь. У меня другая про-

фессия.

Тяжелая поступь. Это – Уджаяни, подталкиваемый Моникой.

– Ну, где? Что там? Туманностей не видели никогда? Такая срочность.

– Вот, посмотри. Ртутная составляющая почему-то, вон там, подскочила. – Моника любила ясность и не обращала внимания на эмоции неповоротливого коллеги. – Надо спектрограмму сделать при отключенном анализаторе.

– Ну и как ты это сделаешь? – снисходительно протянул коллега. И после паузы: – Анализатор, если бы и сделал аварийный выброс, то сработали бы минимум три защиты. А этот скачок – простой послевакуумный дефект электродов. Туманность инертна, в норме то есть.

– Как ты прямо так уверен?

– А я медлительный оттого, что внимательный. Всё в норме. Другое дело, почему о туманности этой не было информации? Что она, только появилась?

– Нет, ты уж давай делай спектрограмму, – чеканно, с видом знатока постановил Денис, тронув на переносице очки.

– Слышишь, полицейский! Давай Рей заменит тебе твою оптику на что-нибудь посовременнее. – Моника так резко сменила тему, что неподготовленный Шеметов покраснел. Заулыбались и остальные, видя попадание в точку.

– А я себе так больше нравлюсь, – не очень ровным голосом выдавил почти нокаутированный Денис.

Да... Хотелось немножко перед Моникой... И вот!

– Что, поехали, Даниель?

Шеметов подошёл к Жанкевски, глядя только на него, а Моника демонстративно провожала его пристальным взглядом.

Как только пару с "0-21" отделила отсечная дверь, Виера, словно сорвавшись, кинулась настраивать свои анализаторы излучений. Уджаяни тоже, засуетился. Наверно скоро о голубом тумане экипажу будет известно и что-то существенное.

Вреж и Зимогляд вышли в коридор, конвойники ещё были не далеко.

– Ребята, подождите! Не уезжайте сейчас. Пусть эти двое прощупают, что там, за бортом.

– Некогда ждать – сближение.

– Ну, это пусть Уэддоу решает.

Вчетвером зашли к командиру. Он был в компании Ван Шао и Ли Даогуня. Похоже было – на паузу после важного разговора.

– Вы обсуждали туманность? – это Жанкевски выразил общее первое впечатление. И лишь Врежу подумалось, что здесь сейчас Ли Даогунь вел свою игру по отношению к командиру.

– Вам пора переправляться, – командир повернулся к экипажу "0-21".

– Вы видели туманность?

– Это какую? Н-нет... – командир заглянул в ближайший иллюминатор: очередное подтверждение, что голова многое узнаёт последней.

Вскоре Уджаяни отчитался перед Уэддоу: данная туманность – скопление разряженного переохлажденного газа, весьма инертного по большинству характеристик. Ну, а откуда этот туман, и каков его полный молекулярный состав не ясно, но не похоже, чтобы он являлся препятствием для сближения со звездой. Данных об опасности нет, но почему с "Зевса" не было сведений об этом свечении?

С анализом спектрограмм ознакомлен весь экипаж. Кое-кто чувствовал неуверенность. Но сближаться всё равно надо. побыстрее бы... Что-то всё тянется, уже дожили до нехватки энергии.

Конвойники отправились к себе. Вскоре их уже видели на экране, на фоне живописных земных пейзажей, и, по их словам, космос не изменился даже с появлением разных там, цветных туманностей.

Командир приступил к сближению. Дело для него привычное, здесь у него помощники Ван Шао и Фернандуш и уж мимо-то не пролетим. Но, в последний момент Роберта, уже составившего программу на спецлокацию, отчего-то заменил Ли Даогунь. Вреж видел, как психолог после пробуждения ни на шаг не отстает от командира и ему не терпелось с Ли поговорить. Но это никак не удалось.

За иллюминатором "шестёрка" стала заметно ярче. Чем ближе, тем более единым казался свет этой двойной звезды. Он, её свет, уже немного и ослеплял, ну это если на неё очень долго смотреть. Хорошо ли это? А как воспримется лучик природного света после месяцев комфортного, но всё равно не настоящего?

– Тебе не скучно, Дорис? Смотри, вон, сразу два солнца. – Вреж позвал её к иллюминатору с выключенными фильтрами. Она подошла лениво, как-то в растяжку.

– А с синяками ты неплохо смотришься. Тебе идёт. Как твои уши? Слышат?

– И глаза видят. Всё нормально уже... Что-нибудь скажешь, наконец?

– Нечего мне больше сказать. Ли Даогуню, я чувствую, ты уже всё выболтал?

– Да.

– Значит, жди, что он тебе скажет. И не только тебе, разумеется.

– Почему должна быть такая тайна из этого? Он такие вещи должен сам видеть, а я, вот, ему подсказал.

– Наверное, потому, что сам ты не стопроцентный астронавт, профессии твои – всё же земные. Пойми, Ли Даогунь должен был заметить неладное, но не заметил, и это не менее странно, чем командирские выкрутасы. И стоило бы, всё это, внимания на Земле? А здесь – Тьма, её величество. И не существует другого Мира, кроме "Арамиса" с его луной –

"0-21" и всякая неровность равна вооруженному конфликту, в нашем же случае...

– ...глобальная катастрофа.

Она явно хотела продолжить и, тем не менее, Вреж больше ничего не услышал. Минут через десять она вернулась на цыпочках:

– Зайди к Монике в лабораторию, туда сейчас зайдет Ли Даогунь. Поговори. – И она быстро скрылась.

В энерголаборатории никого не было. Но это пока. Вот и появился озабоченный Ли.

– А где Моника?

– Не ведаю.

– Мне сказали, что я ей здесь нужен срочно.

– Допустим, это я тебя позвал. Должны же мы с тобой поговорить снова.

Ли выдержал паузу, перестраиваясь.

– Ты же сам видишь, я и не отхожу от... него. Только, вот, подружка твоя лишнего, случайно, не нафантазировала?

Вреж только поднял на него глаза.

– Ну, не знаю. Кстати, мне нельзя надолго отходить сейчас: на пульте нужен второй человек, а Ван Шао вышел.

– Ночью на авторежиме идёте?

– Да. Но один, на всякий случай, дежурит.

– А кто дежурит сегодня?

– Даже не знаю. Но не я, во всяком случае. Пойду я... Если, что, я же тебе сразу выложу всё, в первую очередь.

Вреж не спешил выходить из лаборатории. Да и куда торопиться?

Вплыла Гимус.

– Ну, что?

– А я думал, ты где-нибудь подслушивала.

– Да вот, что-то заложило. Итак, есть что новое?

– Он сомневается уже насчёт твоей серьёзности.

– Он? Ли? Ты ему всё-всё выложил. Молодец!

– А что в шпионов-то играть?

– Ты прост, как деревенский веник. Доверь серьёзный вопрос болтливой тёте...

Вреж побагровел, и наблюдательная Гимус сбавила тон.

– Учту я и мнение Ли обо мне, спасибо, что сказал.

– Приходи, дам успокоительное, – бросил он ей в след.

Совсем недавно Моника прошла по самолюбию Шеметова. Теперь вот – Дорис. Ну, надо же: выдал её наблюдательность психологу – астронавту для этих ситуаций и включённому в экипаж! Медицина так до сих пор и не научилась удалять с корнем те центры мозга, которые в прошлом толкали женщин лить соляную кислоту в глаза соперниц. В настоящем кислота уже

не используется, но центры-то остались. Но Дорис тоже можно понять: осторожничала, чтобы не нажать куда худшее, а теперь это дело вне контроля.

* * *

"Арамис" уже вошёл в планетную систему "шестёрки". Уже даже в иллюминаторы было видно, что двойная звезда имеет всего две планеты, которые крупными молочными точками выделялись из россыпей звёзд. Ветер "шестёрки" уже тянул к себе. Странная голубая туманность, оказывается, почти постоянно вмещала в себя одну из планет. Сама эта туманность также передвигалась по орбите, только очень медленно, а находящаяся в ней планета, в силу искривления траекторий, может, никогда её и не покидала. По крайней мере, такая версия была вполне приемлемой, глядя с колокольни "Арамиса". Орбита другой планеты, а по параметрам именно на ней и погиб "Зевс", располагалась от своего светила примерно на том же расстоянии, что и её сестра, погрязшая в своём голубом рассоле. Тем не менее, даже простые расчёты уже явно противоречили устоявшемуся мнению учёных о том, что равноудалённые от своей звезды планеты когда-нибудь обязательно столкнутся. Такая катастрофа, кажется, вообще была в данном случае не возможна. На лицо был так называемый "звёздный парадокс", а на объекты с подпадавшими под этот термин параметрами лететь не рекомендуется. Такому научил горьковатый опыт, но "Зевс" летел туда, наверняка уже зная об этом, летел и молчал. Летит туда и "Арамис" хотя и не молчит. А впрочем, кто здесь это точно знает, слышит ли нас Земля или же галактические маяки отражают в компьютеры корабля чужое эхо? И, кроме

того, теперь уже глядя назад, можно бы и призадуматься о тех странных явлениях на "Арамисе" в беззвёздной черноте середины полёта.

– Итак, до спуска осталось... Да сколько осталось – я, и сам не знаю. Точно только, что не много. С прилётом, одним словом. – Уэддоу философствовал пред астронавтами, подводя итоги перелёта. Это была формальность, предназначенная для единства, результатов. – Все мы видим, что звезда двойная, имеет резко меняющуюся массу, что и является причиной волнистости орбит её планет и предполагаемого пояса миниастероидов или уплотнённой звёздным ветром "шестёрки" космической пыли. Но последнее явно случайно, и нас не касается. Нас волнует, что это там за газ, зачем он и откуда взялся. А самое непонятное, на мой взгляд, то, что так близко расположенные составные части этой двойной звезды не сливаются воедино. При таком соединении освободилась бы колоссальная энергия и на этой бочке с фитилем – мы с вами. Напомню для спящих, что двойные звёзды либо расположены друг от друга на миллионы миль, километров, то есть, и находятся в энергетическом равновесии, либо являются единой массой, но из-за разнородности состава в разных своих секторах с расстояния парсеков видятся двойной звездой.

Командир изъяснялся явно языком Файра, сам он этого наверняка не знал. Слушали его вяло. Для контроля уточнили вслух всю ту информацию, которую отправили в компью-

тер. И тут, вдруг, Дорис встряхнула всех:

– Командир! У меня к Вам просьба. Если пойдёте сегодня к излучателю, разбудите по пути меня. Дело в том, что часть контрольных характеристик мне надо фиксировать именно ночью...

Даже она осеклась, так все переменялись в лицах. На неё уставились как на сумасшедшую. Реакция Уэддоу была такой же.

– Гимус, отдохнуть бы тебе. Ты подумай, ведь так и свихнешься. – Уэддоу с сочувствием в голосе заговорил с непокорной химичкой. – К излучателю я подхожу редко, и, все вы об этом знаете, когда. На орбите планеты, перед спуском, мы выйдем на связь, это необходимо и положено, но нет необходимости этого делать ночью. А если тебя надо разбудить, то, пожалуйста.

Майкл многозначительно и сурово посмотрел на Врежа и кивнул в сторону Дорис. Та молчала, поняв, что разговоры сейчас ничего не дадут, и тоже хотела замять ситуацию. На удачу, другие темы разговоров перебили всеобщее недоумение, от Гимус отвернулись, и она выскользнула.

– Зачем ты... – Вреж догнал её.

Та ничего не ответила. Через полчаса же она сама нашла его.

– До орбиты первой планеты, той, что в туманности, мы доберёмся через двое суток, – начала она сосредоточенно. Наверняка наш командир в эти два дня опять кому-то про-

сигнализирует.

– Тебя послушать, так наш "голова" – чистокровный космический шпион и всех нас ведёт в неминуемую пропасть.

Против обыкновения, Дорис никак не отреагировала и продолжала:

– Эти дни у себя не закрывайся, я тебя с ним сведу, что называется нос к носу. А Ли Даогуню я не доверяю, поэтому берись только за тебя.

Вреж хотел что-то сказать, но она его перебила:

– Всё, разговор окончен. А то, что подлетим через два дня, это уж мне поверь, если бы всё на приборы смотрели внимательней, то тоже бы это знали! – И она в присутствии её стили исчезла за поворотом коридора.

Весь окутанный вязким тянущимся временем Бакунц смотрел на голубую туманность, подолгу зависавшую перед иллюминатором. Чёрный, такой обычный, цвет сменился забытым голубым, казавшимся с непривычки ещё голубее. Заботы, внушаемые ему Гимус, не шли в голову. Вон она – планета... В своей голубой сметане... Впечатление, что там не может быть неприятностей. Ну, просто они там не живут, а если что, – то не выживают... Важно – тк надеяться, чтобы не оставалось и тени сомнения. На Врежа в тот момент таких теней не падало. Уже земная ночь. Отбой.

* * *

Он почувствовал какой-то толчок, сквозь сон совсем не понятный. Под чьим-то усилением он уже сидел на постели. Прямо перед ним было лицо Дорис с выразительно приставленным к губам пальцем. Дошло: Уэддоу у излучателя! Она как не бывало! Уже совсем быстро он просеменил к нужному отсеку. В иллюминаторах сверкали понятные им вспышки. Пришло в голову призвать в свидетели конвойников, он побежал к экрану. Но на его сигнал не ответили, спящих не всегда разбудишь, а догнавшая его Дорис схватила за руку.

– Он – там... Идёт!

Почти крадучись, они вернулись в ответвление коридора. Сначала тень, а затем и сам командир плавно проплыли в пересечении.

– Майкл! – Этим Вреж заставил его остановиться.

Командир медленно развернулся к ним лицом, представ в ужасающем виде. Дорис словно впиалась Бакунцу в руку... Уэддоу не касался ногами пола, а чуть висел в воздухе. Лицо его было словно окаменевшее, открытые глаза не являли зрачков и были незрячими. Но неведомое око сверлило их, уже сжавшиеся и испуганных, готовых спрятаться за первой же дверью. Этот взор слепца сжёг всё закалённое мужество астронавтов.

– Командир! – только и вырвалось у Дорис, но вскрик этот был уже вялым. Она и Вреж почувствовали сильнейшую усталость, и какое-то забытьё, слишком сладкое для того, чтобы с ним бороться, пересилило их.

Глава 3.

Со своего поста Жанкевски созерцал, как "Арамис" парил, готовый влиться в объятия туманности. Пока ещё молочную точку, обозначающую земного посланца, окружала лишь тьма чернее чёрного. А как уже все признали, голубей голубого, океан совершенно инертных, но, тем не менее, люминесцирующих частиц не иначе как готовил скатерть-самобранку.

И... Вот! Слева направо черноту прорезали струи лазурного взрыва, сначала тонкие и прерывистые, затем более уверенные и насыщенные. Черноту за иллюминатором словно смыло. Оба корабля уже плыли в предрассветном мареве земного лета и, в унисон этому, стены "0-21" обозначили восходящее солнце. Переглянувшись с Денисом, Даниель заулыбался:

– С приездом?

Тоже посветлевший Шеметов так и не подобрал ответа. Конечно, настроение поднялось. Какая бы не была мода на чёрный цвет, он во все времена оставался символом тьмы, и во все времена человек во мраке спешил зажечь хоть какой-то огонь, подсознательно уменьшая пространство, заполненное ночью.

– Планета номер один. – Отчеканил Даниель, поймав взглядом гладкий буроватый шарик. – А почему мы на неё

садимся? Потому, что – ближе?

– Так решили. А она могла оказаться и дальше.

– Что-то сегодня ночью нас вызывали с "Арамиса". Я, правда, пока подошёл – вызов пропал. Включил их экран: никого. Уж не забарахлила ли система?

– А ты их не вызывал больше? Давай вызовем.

Сказано – сделано. На экране появился Файр.

– Кто сегодня будил нас ночью?

– Я не знаю, спрошу сейчас.

Несколько минут Тима не было. Потом подошёл, пожал плечами:

– Никто что-то не сознаётся. А вам ничего не говорили?

– Кто?

– Ну, кто вас вызывал.

– Я пока подошёл к экрану – уже никого нет.

– Видимо такая важная тема была, что раздумали разговаривать. Хотя по ночам шутят редко. Сейчас, подождите ещё, я у Ван Шао спрошу – он дежурил сегодня у пульта.

Выяснилось, что и Ван Шао конвойников не вызывал да и не слышал об этом.

– Рей там не бодрствовал? – почему-то спросил Жанкевски.

– А почему именно Рей?

– Медик всё-таки, может, что удумал...

Вреж подошёл поближе к экрану.

– Я вас приветствую. Не болят ли у вас зубы? – как и у

всех тонус поведения у него теперь был "вестимо здешний".

– Да кто-то вызвал нас ночью, да вот не можем найти кто. Или опять чудеса начались?

– Не знаю, я спал как убитый, давно так не было. Но, насколько я знаю, происшествий, вроде, никаких нет. Значит, скорее всего, это вам спросонья показалось. Такое иногда случается и у абсолютно здоровых людей.

Недоумённые конвойники выключили экран, почти поверив в то, что этой ночью никакого вызова не было, а новая теперь обстановка опять загладила недоумение. Они, так же как и все, немного суетливо стали готовиться к орбитальному режиму и спуску. Где-то на краю бескрайнего света две звёздочки земного происхождения стали вращаться вокруг планеты, покоящейся в своём тумане, как слива в компоте. Что-то непонятное и явно благотворное проникло в астронавтов, но после назначенного сеанса связи у двоих настроение быстро пропало. "0-21" остается на орбите" – официальная радиограмма легла перед Жанкевски. Денис включил музыку погромче и повеселее.

– На вторую-то планету ведь сядем? – Толи подумал вслух, толи спросил Даниель.

– А на обратную дорогу топлива нет; никуда мы не денемся.

– Поступит с Земли что-нибудь невпопад.

– Да? И как же такое исполнить? Подойди к экрану. Сейчас, кажется, нам начнут сочувствовать.

Шеметов не ошибся. Несколько искусственно грустящих физиономий выглядывали с экрана. Им можно и погрустить, они-то скоро будут ходить по твёрдой земле.

– О, сколько эмоций, ребята! И какие же вы, оказывается, чувствительные, – опередил арамисовцев Даниель.

– Даниель, ты не расстраивайся, ну как ещё на горячем экономить? – это говорила Моника, а Даниель не хотел перед ней огрызаться.

– Пожалей получше... – он сделал детскую гримасу.

– На второй планете пожалею, а пока будь умником и спасай нас – если что. И ты Денис тоже. – Она перевела взгляд на подсеменившего Шеметова.

– Да ну... А мы и не хотели-то садиться. Рисковать ещё! Там, слышал, волки водятся, питаются арамисовцами...

– Ну, значит, вас бы они и не тронули.

– Во сколько точно посадка?

– Место выбираем, но не позже, чем через три часа.

– Вы экран не выключайте, мы посмотрим на вас суесящихся.

– Ну, пока? Да? – Моника элегантно подняла руку. Ей, возможно, было действительно жаль Даниеля с Денисом.

Два часа конвойники развлекались хаосом, действительно воцарившимся на корабле соседей. Затем экран погас: Уэдду и на этом уже экономил.

Далеко за иллюминатором "Арамис" всё больше и больше

удалялся. Он шёл на посадку... И, вот он, сигнал! Денис нажал клавишу, и луч малого экрана уже поймал покоящийся "Арамис". Вокруг него – несколько необычная серо-голубая равнина, туманность, облегающая атмосферу, служила светофильтром. Ясно, что оранжевого там не увидать.

А араμισовцы тем временем, покинув кабины, собрались у компьютера, переваривающего информацию о месте посадки. Ждали не долго. Состав атмосферы включал кислород, но в малых количествах, много паров странного по составу, но опять-таки инертного соединения – видимо производной всё того же тумана. Грунт – мелкая уплотнившаяся пыль, преобладающий элемент которой – кремний. И... Есть следы аминокислот?! Это обнадеживает. Необходимый уровень защиты астрокостюма – №2, то есть условия в месте посадки, предположительно для человека малоопасные.

Первыми ступили на планету Файр и Фернандуш. Хотя размер планеты и меньше земного, двигаться по ней было трудновато. Видимо масса Земли всё-таки меньше. Все положенные в таких случаях формальности заняли ещё два часа. Началась колонизация дочери "шестёрки" (это по словам Ренальдини).

Арамисовский вездеход, перепархивая через ухабы чужепланетного бездорожья, с экскурсионной скоростью двигался в научно-обоснованном направлении. Направление это полностью совпадало с направлением взгляда Майкла Уэддоу: он был у руля. Все уже просмотрели панораму плане-

ты сквозь свои светофильтры – нет, привычной для землян гаммы цветов здесь никак не увидеть. А местность совсем однообразна и, видимо, безжизненна. Напоминает обветренное поле в малоснежную зиму. За скафандром, правда, не холодно – плюс 32, причём эта температура отмечена с самых первых наблюдений, ещё задолго до посадки. Опять-таки и туман мог тормозить теплообмен.

– Если температура постоянна – это хорошее условие для распространения жизни. – Зимогляд чаще других поглядывал на информатор. – Но вокруг – ни одного предмета, температура которого отличалась бы от плюс тридцати двух. Делать тут нам, скорее всего, нечего... – Он посмотрел на молчавших командира и Уджаяни. Последний что-то записывал.

– Склероз?

– Да нет, некоторые параметры маршрута записываю.

– А машинам не доверяешь?

– Понимаешь, в машинах – программы направлений и все текущие замеры привязываются именно к ним. Но мы же делаем кое-где хоть и небольшие, но объезды. А за бортом, между прочим, концентрация паров иногда чуть меняется. Вот я и отмечаю направления, в которых должна находиться вода на наших участках объезда.

– Вода? Здесь? Наверно газированная...

– Если и не именно вода, то "жидкость по-местному". Гидрооснова должна в ней быть. На, вот, посмотри...

– Да я в твоих делах... не очень...

– Так я, вот, и объясняю. Температура на планете одна, давление атмосферы, уже знаешь – постоянно; тогда откуда тут зародиться ветру? А если так, тогда чем ближе источник, тем больше концентрация его паров. Вот мы объезжали неубедительное на вид поле, а цифры на гидрографе прыгнули. Я же записал, в какой точке какое направление желаемо избрать для близкой экскурсии.

– Но информатор бы сам сказал о близости водоёма.

– На такое незначительное колебание он не настроен сейчас, его программы и так перегружены. Речь не о водоёме, а может, о простой луже. Молчавшему до сих пор Уэддоу, почему-то, действительно захотелось увидеть лужу. Земное, всё же, родное. Его неуверенный взгляд заметили попутчики:

– Слушай! Давай, действительно погонимся за максимальной концентрацией пара. Может, и покружимся на месте, но нужное направление всё равно найдём. Будем двигаться всё время в сторону наибольшей плотности паров, и, может даже, наткнёмся на озеро...

– И искупаетесь, – прошипело в динамике – их на связи держал Сандро. – Все трое станете благородного голубого цвета, на Земле вас будем показывать за деньги.

Если бы Ренальдини не сказал бы ничего, то командир наверняка заупрямился бы, ссылаясь на программы, а теперь он остановил свою герметичную машину и повернулся к обоим попутчикам:

– Где там, большая концентрация? Давайте направление. Желание сделать назло Ренальдини сделало доброе дело.

Теперь, глядя со стороны, вездеход шёл по бессмысленному маршруту.

– Майкл, Майкл, – заговорил динамик. – Слева от вас движущийся предмет. Ренальдини можно было бы не поверить, но его голос был слишком серьёзным. Все трое сразу повернулись, но ни где ничего не увидели.

– Что за предмет? Размеры?

– Ну, этого я не знаю, но есть слабое перемещение метрах в двухстах от вас. Так! Опять движение! Это от вас в 210 метрах. Будьте внимательны!

Спустя минуту:

– Дисплей выдает совсем малую величину. С такого расстояния вы его, может, и не увидите. Отвлекайтесь от своих луж.

– Мы уже отвлеклись.

Вездеход медленно двинулся в сторону, указанную с "Арамиса". И вот впереди матово блеснул какой-то шарик. Подъехали ближе.

– Сандро! Здесь движение?

– Да, здесь, вы около движущегося предмета. Что там?

– Шарик, сантиметров семь в диаметре. Но он, кажется, недвижим. Множество манипуляторов окружило инопланетный колобок и, не найдя ничего страшного, подняло его.

– Итак, что это... – Уэддоу постучал по клавишам, –

Угу... Вероятно, просто спрессованная пыль, а внутри большая концентрация аминокислот. А как же все это двигалось? Кто его катил?

– Поставь его на место, посмотрим. – Зимогляд пытался увидеть за бортом ещё такой же, но безуспешно.

Манипуляторы положили шарик, он скатился в едва заметное углубление, а затем медленно вернулся почти в прежнюю точку. Яш подумал, что, может быть, между шариком и парами есть взаимосвязь, между ними идёт реакция, обмен и от этого шарик перекачивается. С этим сдержано согласились. Не очень склонный к эмоциям Зимогляд вдруг стал сентиментальным:

– Вот так было в самой колыбели нашей матушки-Земли. Может так выглядели наши миллиард-прадедушки.

– Тогда на Земле так спокойно не было. Вулканы, вихри...

– Да это понятно. Но всё же... Может это идеальный вариант.

Время ушло, надо возвращаться, и лужи дали возможность найти следующим тройкам. Прошло двое суток. Люди вопреки ожиданиям уяснили, что от пребывания на этой планете веселья не прибавится. Вокруг всё почти в одном цвете, любые оттенки – тоже голубоватые. С таким связывается, обычно, что-то положительное, но есть предел, и всё охотней и охотней смотрелось на свой корабль, как единственный источник других, хоть и не ярких расцветок. Жаль, что "0-21" на орбите: уж он-то бы тут посиял многоцветным

корпусом.

После того, как поиски луж ничего не дали и желание их искать сошло на нет, запросили конвойников, не видно ли им чего интересного сверху. Они, в конце концов, сообщили, что планета во многих местах покрыта сине-фиолетовыми точками, а в двух, по крайней мере, местах имеются такого же цвета и большие пятна. Несмотря на то, что с орбиты цвет планеты выглядел другим, скорее бурым, пятна эти обнаруживались с трудом. Туман искажал тона поверхности планеты, а испарения сгущаясь над озерами, прятали последние полупрозрачными облаками. По данным с орбиты ближайший предполагаемый водоём от "Арамиса" был далеко, километрах в трёхстах, а то, что могло быть ближайшим морем – в семи тысячах. Сам звездолёт перемещать нельзя, не по энергии эта роскошь, да и не везде удачно сядешь, несмотря на преобладание равнин. Но открытия нужны, даже малые, в этом одна из задач экспедиции, и к предполагаемым озёрам в дальний путь отправятся оба вездехода. Если здесь далее не обнаружится ничего достаточно интересного, то и оставаться на этой планете бессмысленно; вторая, "зелёная" планета более загадочна, а значит нужнее исследовательской экспедиции.

Всё решено и шесть астронавтов отправились в путь. До ближайшей фиолетовой точки на уже смоделированной карте, большую скорость можно и не включать, а если попадутся шарики, то прихватить парочку с собой не помешает. Но ша-

рики эти, вероятно, всё же большая редкость. За четыре часа движения ничего интересного, и вот уже концентрация паров возросла до максимума. Фернандуш, ехавший первым, обогнул такой рядовой, примелькавшихся размеров холм и вот, наконец, перед ним фиолетовый горизонт! Море... Озеро? – Как угодно! Вокруг, похоже, был кратер, только неправильной, вытянутой формы. И в кратере этом волнами перекачивалась вода, но только очень тёмная. Здесь было даже подобие прибоя – вот тебе и безветрие.

Вот уже и все шестеро молча любовались достигнутой панорамой, первым открытием полёта по линии поверхностной географии. По-видимому, долгий голод по всему элементарно земному притупил положенную осторожность. В результате земляне разбежались вдоль кромки прибоя, оставив оба вездехода с открытыми дверцами. Дисциплина при долгих полётах всегда весьма условна, но ведь прямо накануне полёта их всех информировали о случае с одним транспортным кораблем. Тогда гружёный транспорт сделал техническую остановку на вполне знакомой планете. Но когда его экипаж проявил повышенное любопытство к весьма впечатляющему экземпляру местной растительности и обступил его, их огромный корабль просто исчез. Пропали и звездолёт, и его, ценный груз, пропали бы и астронавты, если бы шедший с ними в паре транспорт не сел бы именно в этом же районе. Куда девался тогда корабль так и осталось тайной...

До фиолетовой воды хотелось дотронуться, ну хотя бы ру-

кой в скафандре. Густоватый прибор немного пенился тонкими белыми барашками. А почему барашки, не существующего здесь, белого цвета? Может всё-таки это вода? Ничего необдуманного так и не сделав, вернулись к раскрытым дверцам. Постучали по клавишам: в атмосфере в этом районе больше кислорода и паров воды. – Вот же! Плотность некоторых других соединений также выше. Активное местечко. Подъехали к самому краю озера... Нет, не вода это: большинство составляющих этой жидкости на Земле вообще не встречаются, но известны в других системах. Все составляющие элементы в соединении довольно инертны (тут такое привычно), земным созданиям данный рассол опасности не представляет. А пары в атмосфере – действительно продукт этих морей. Одним словом, здесь можно было бы ходить и без скафандра, допустимо и искупаться, если бы было чем дышать.

Вдали на фиолетовом горизонте, приборами разглядели шарики. Здешние обитатели семейками покачивались на воде. Если в фиолетовых глубинах каким-то чудом рождаются аминокислоты, и сами шарики рождаются здесь? Теперь уже ответ когда-нибудь будет. Вреж, всю дорогу чего-то опасавшийся, вдруг встряхнулся. Он почти неожиданно для себя, но незаметно для окружающих поставил одну ногу в прибор. Совсем ничего не случилось, просто тонкий слой жидкости, как-то не спеша, деликатно, обволок стопу, словно принимая ногопожатие. Несмотря на свой тёмный цвет, озёрная

жидкость была прозрачной, контуры обуви Вреж видел четко. В следующую минуту он услышал возбуждённые слова в свой адрес и поспешно отошёл на сушу, но пять голосов ещё некоторое время были обращены только к нему.

И ещё три дня пробыли арамисовцы на этой планете. Как ни странно, цветное однообразие стало теперь естественным. Никого это уже никак не коробило, а сквозь окружающую монотонность, стали, как бы пробиваться и зелёные и красные оттенки. Так ли это на самом деле или нет, но глаза становились всё более зоркими. А впрочем, кто прав: тот, кто видит камень зелёным или тот, кто его видит синим? Длина отраженного спектра даст ответ на вопрос. Ну, а если этот камень отражает ещё и другой вид излучения, не всеми ощущаемый? Или же световое излучение отражается данным телом с некими фотонными помехами? Словом трудновато стало арамисовцам договариваться между собой: где бело, а где чёрно. Раздал Вреж светозащитные линзы, но их никто не носил.

Ну, вот уже через час старт. Прощай планета рассвета, теперь тебе – быть позади. Впереди осталась одна, зелёная, она, может быть, окажется планетой дня, или же зевсового вечера... А улетать-то не хотелось. А что тут плохого? Вот бы ещё скафандр снять, а всё остальное здесь так естественно. Ничем не мешал даже грунт, ходить по большому притяжению удивительно быстро привыкли. Резюме этому посе-

щению оказалось курортным. Неплохо! На память от землян на берегу озера остался телеглаз, при необходимости дающий полную панораму окрестностей. Бакунц коснулся пульта. Телеглаз откликнулся сразу: вот оно, фиолетовое море, шевелит своим безмолвным прибором... Ой-ой, и ему цвета стали казаться другими: озеро – красноватое... Ли Даогунь рядом, но он уже два дня – дальтоник. Кто ещё с земными глазами? Моника!

– Синьора Виерра, взгляните на этот экран.

– Да, давно его не протирали...

– Мне море тоже уже кажется не совсем фиолетовым. Ты какой цвет видишь?

– Фиолетово-сине-лиловый.

– Слишком тонко.

– Прежний цвет. Рей, прежний!

– А мне... мне хотелось, чтобы – не прежний...

Несмотря на приближающийся старт Вреж побрел в сторону. Остаться бы, да дома ждут. Не поймут, не оценят. Вдруг через какое-то время здесь возможно перерождение, условия-то, возможно, идеальные. А если на секунду снять шлем и вдохнуть здешнего воздуха? Может им можно дышать! Но с ума Вреж все же не сошёл и нехотя повернул к "Арамису". Жаль на море не слетали, озера от морей отличаются во много раз.

Экипаж "0-21" видел небольшое облачко, поднявшееся в

месте старта "Арамиса". Основной корабль был уже на орбите и шёл на сближение для совместного вылета из голубого пространства к планете с искривлённой орбитой. А облачко в месте старта ещё долго было неподвижно, словно застывшее в прощальном жесте.

Глава 4.

Оба корабля приближались ко второй планете. Уходя со стационарных орбит, корабли естественно выделяли энергию, но туман оставался неподвижным и после их пролёта. Он не только, подобно воде позади рыбы, не обнаруживал никаких явных течений, но и не оставлял места ничему другому. Космический сюрприз, а, скорее всего, строго защищённая колыбель для зарождения планет с разумной жизнью.

Дорис была у иллюминатора, когда Бакунц подошёл к ней, дождавшись отсутствия посторонних глаз.

– Про Уэддоу ничего нового?

– В смысле? ...А, да... – Небольшая пауза. – Нового ничего пока. Да я же не хожу за ним по пятам.

– Я, почему спрашиваю: помнишь, ты говорила, что Майкл бывает по ночам у излучателя? Что-то всё как-то прекратилось вдруг. Ли Даогунь тоже помалкивает. Может, вас кто прижал?

– Да нет... Это я про себя, во всяком случае. Хотя, действительно чудно, почему сейчас нас это не трогает? А с Ли ты не говорил?

– Позвать его?

И вот втроём они недоумённо глядели друг на друга. Почему так дружно они всё забыли? Обменялись тем, кто

что вспомнил. Подозрения-то тогда были только у Гимус, остальные занимались слезжкой с её слов, почти игра была. Почему только всё это вылетело из головы и у всех сразу? Причин могло быть много, и все они естественные, но всё же... И это "всё же" даже чуть-чуть пугало.

– Колыбель, колыбель... Кто знает, что это за колыбель, может, из неё никогда теперь не выберешься. – Зимогляд нажимал в который раз клавиши, пытаясь получить что-то новое о голубом тумане. Но старался он явно безуспешно. Фернандуш, глядя на него, даже улыбнулся:

– Ты, что-то не в духе. Ну-ка, попробуй ещё, – и он незаметно покосился на иллюминатор.

– Ого! Вообще ничего! Что такое? Или мы уже вывелись на чистую воду?

– Конечно. За окном-то уже чисто. Во-он там только, голубеет немного. Но это – там... позади, в общем.

– Выплыли всё же, ну и на том – спасибо.

– Уж ты и не рад?

– На мелочи внимания не обращаю.

А в чёрном, уже, небе выделялось крупное тело – планета "Зевса". Мощно сияла и сама "шестёрка", по стенам ползли ослепительно белые зайчики, отражённые от противоположных окон.

– Наш самолёт идёт на посадку, пристегните ремни!

– Древность вспомнил? Последнюю серию смотрел?

– Успел перед самым полётом. А в Индии это давно шло?

– Да этот фильм, по-моему, на все страны одновременно транслируется. Ты не знаешь, почему мы только пять витков делать будем? – Фернандуш переменял тему. – Ведь в программе – включение блока безопасности на самой орбите, а это, как минимум, сутки. И почему "Зевс" погиб, мы так и не знаем. Надо же и осмотреться.

– У Уэддоу растрата с энергией, этому всё и подчинено.

– Бессмысленно. На обратный путь всё равно не хватит, а "0-21" оставляют здесь. Пошли, к нему зайдём?

Эдуард в ответ лениво потянулся и Роберт Фернандуш вышел один.

* * *

Корабль уже нацелился на орбиту, а при торможении все должны быть хотя бы в сидячем положении. Вреж выдержал эту формальность и обошёл всех. При нём все сидели, а Фернандуш даже спал в кресле.

– Настолько невозмутим, что даже при встрече с целью заснул. Неужели ему не интересно? – подумал Бакунц, но будить не стал.

Звездолёты уже вращались вокруг цели, астронавты приборами и глазами впились в планету и это естественно. Но на конвойном корабле распорядок иной.

– Даниель! Подойди. – Денис воспроизвел записанную по-

требность в защите. – Посмотри. Не очень-то мы внимательны.

Жанкевски понимающе косился на бордовый экранчик. А тот выдавал повышенную опасность со стороны, при выходе кораблей на орбиту зеленой планеты. Сейчас уже всё в порядке, а что было? Поставим вопрос по-другому этой умной машине. Секунды подумав, экран снова засветился, но уже явно невпопад.

– Как ты это понимаешь?

– Думаю... думаю это окончательная обработка информации середины полёта.

– Тогда тоже была опасность?

– Да. Пятна те, на обшивке, и странный вирус на "Арамисе".

– Воздействие пучковых полей с парсекового расстояния... Это, что же? Кто-то настолько силён, что оттуда способен взять себе на анализ кусочек обшивки корабля и частицы нашего мозга?

– При этом этот "кто-то" обошёлся с нами гуманно: "Арамис" функционирует, люди выздоровели.

– Хорошо бы было именно так, как ты сейчас сказал, Денис.

– А что, есть другая информация?

– Нет, это я так... Но на "Арамисе" не всегда всё так уж логично, особенно по некоторым ночам.

Было видно, что Шеметов с ним согласен. И оба они чув-

ствовали, что что-то их уводит от основного, не даёт конвойному кораблю быть, как и положено, космическим танком, вселяет детскую беззаботность, а конечный результат этого уже и достигнут: "0-21" останется навсегда на зелёной планете "Зевса".

– Теперь будем дожидаться, что же за опасность подстергала нас совсем недавно.

– И почему мы дружно забыли включить этот экранчик во время торможения у орбиты...

– Это случайно. Я, например, помнил. Главный сигнал-то держался в уровне.

– После посадки я прокручу всю запись защиты, может нам ещё кто грозил, а мы не заметили.

– Не забудь, что через определённые часы запись здесь стирается.

– Я помню код к восстановлению экстремальных точек записи.

– Экран ничем не поможет, он только фиксирует колебания полей, поля создаются телами, а мы их чувствуем, если не сами, так приборами, и при необходимости защищаемся...

– В этом полёте пока так не было, а на опасности мы не реагируем...

– Давай не пугать друг друга перед посадкой, а то можно стать суеверным. И... Уэддоу и его компанию... давай пока волновать не будем, понимаешь?

Согласие было достигнуто молча.

* * *

Уже после второго витка зелёную планету рассмотрели детально. Она была меньше, чем голубая, облачности мало, лишь над водоёмами и источниками скопление облаков, что, в общем, и полагается на "живых" планетах. Морей по площади не много, полярных шапок нет вообще, так, что от Земли эта планета уже отличается. Лето и зелень, зелень и лето, для начала не так плохо!

Собрали несколько панорам поверхности, которые повторили те, что были получены с "Зевса". Повсюду ярко-контрастная многоцветная флора, лесостепные долины, видны и горы, также поросшие. Животных не увидели, лишь на одном снимке, как раз у гор, похоже, в полёте – большая птица. Но на снимке этом горы – слишком далеко, а как не пытались получить такие же подробности на следующих снимках, этого не получилось.

– Садимся! – Уэддоу подчёркнуто замедленно опустил руку на главную панель. И корабли начали осторожно планировать, выбирая себе площадку. Редкие здесь облака уже отклеились от изумрудной поверхности и уплыли вверх. Лёгкие, белые, слегка серебрящиеся, они словно убежали в далёкую высь, испугавшись столь необычных твёрдотелых пришельцев. Посадку сделали у подножья двух сопок – в другом

месте найти не заросшее место оказалось трудно. Тяжёлый "Арамис" просел, просто так отсюда теперь не стартуешь, но это пока не беда. Осмотрелись не выходя. В один иллюминатор рассмотрели роение стайки светлых насекомых: вот и первые жители!

Облачившись в скафандры, первыми вышли Уэддоу и Файр. Оба, на всякий случай вооружены, защита корабля также наготове, ошестинился и "0-21". Но всё это больше смахивало на забаву. Слишком уж явно вокруг буйствовала жизнь, жизнь в земной атмосфере – об этом сообщали ещё зевсовцы, скафандры надеты лишь на всякий случай. И, в то же время, предыдущая экспедиция здесь погибла...

Сутки здесь большие, около 50 часов, ночь ощутимо короче дня – все-таки два светила. Уэддоу подняв голову, увидел неожиданность, о которой не передавал "Зевс". Несмотря на прозрачность воздуха, небо над головой казалось сероватым, и "солнца" светили довольно тускло, на них можно смотреть не щурясь, несмотря же на это, все предметы отбрасывали очень чёткую тень. Впрочем, у нас при сильной луне – почти также, но это – при луне; да и при одной к тому же.

Компьютер уже много раз разрешил снять скафандры, и когда, наконец, Файр освободился от своего шлема, он сразу пошатнулся. Скакнувший испуг быстро улетучился: свежий воздух-то пьянит даже на самых далёких планетах. Так давно не бывавшие на Земле астронавты неуправляемо выбежали из корабля, даже не вспомнив по скафандры. Цель достиг-

нута, полполёта позади! Не повторить бы ошибку "Зевса"...

Нарезвившись в волю – вернулись на места, а четверо, облачившись всё же, в скафандры и вооружившись, начали круговой осмотр. Уэддоу вышел первым, за ним – Бакунц; трава под ногами – чаще вьющаяся, голых мест, подобных тому, на которое улёгся "Арамис", в округе не видно. Деревья – всё же явно не земные – буйные в своей свободе и утончённо-интеллигентные одновременно. Можно дать такую характеристику растению? А вот у Врежа – получилось.

– Опасность сверху! – это крик, вышедшего из "0-21", Жанкевски.

Мгновенно все встрепенулись, завращали головами, вскинули вверх стволы. Где? Надо назад!? Почти над ними, по обе стороны той небольшой горы, у подножья которой они находились, просматривались чёрные очертания какого-то тела! Животное или механизм? Тело это всё более выдвигалось из-за горы... Оно парило в воздухе! Словно туча, летя медленно и неотвратимо, неизвестное выдавало свои чудовищные размеры. Все земляне, не опуская оружия, заскочили в люки.

Ощетинилась вся Защита кораблей. Из-за горы выплыло подобие гигантской птицы, вернее расправленных мощных крыльев, мрачных и беззвучных. На них выделялись даже чёрные перья – по-видимому, исполинских размеров. Заговорил бордовый экран "0-21": "Неживое органическое тело. Высота 120 метров. Размеры 80x30 метров. Жёстких и разя-

щих колебаний не излучает". Это уже не плохо. И те, кто был в скафандрах, почти на цыпочках, вышли снова. Огромные орлиные крылья висели уже почти над кораблями. Куда они летят, если наши аппараты не видят в них жизни? Чьё тогда это сооружение, и почему оно в неработающем состоянии, но летит? Наконец решились тронуть крылья лучами, сначала ультразвуковыми, далее меняли диапазон вплоть до световых – реакции никакой. Когда же диапазон лучевых колебаний слегка зашёл в поражающий, кончик крыла, куда был направлен луч, кратко вспыхнул и медленно отделился. То ли реагируя на излучение, а скорее случайно, парящее тело уже медленно поворачивало вокруг горы. Отсечённый же краешек оперения медленно опускался, делая зигзаги, как ракушка в воде.

– Зря мы это сделали. – Уэддоу беспокойно озирался.

Жанкевски, а это его луч совершил недоброе дело, выглядел виноватым. Крылья по-прежнему величественно огибали гору. Все поднятые глаза вдруг увидели двух маленьких птичек, неизвестно откуда взявшихся. Внимание подключилось и к ним. Птички были трёхкрылые, а возможно третьим крылом казался хвост, трепетавший как крыло. Полёт их был скачкообразный и напоминал полёт моли. Похоже, пташки играли между собой, не обращая внимания ни на чудовище сверху, ни на бестолковых пришельцев внизу. Не переставая резвиться, они, наконец, пропали из поля зрения.

Оседлав вездеход, четвёрка Уэддоу начала осмотр окрест-

ностей. Остальной экипаж – пока в кораблях. За час поездки ничего опасного не обнаружено. Видели двух зверьков, похожих на лисичек, но светлых и с маленькой головой, которые быстро юркнули с пути вездехода. В лесу на транспорте не проехать, и густые места приходилось перелетать.

Жизнь здесь есть, хотя и не земная, но во многом похожая на неё. Пора размещаться и продолжать зевсовскую работу.

* * *

На далёкой Земле, в Нанкинском Центре Сигналов, следящим за полётом "Арамиса", всерьёз задумались над причинами энергетического голодания этого корабля. Солидный аналитический компьютер, переработав все сеансы записанной связи и данные дальней астролокации, предложил два наиболее вероятных варианта перерасхода горючего: первый – отказ системы самоконтроля на "Арамисе", при котором траектория полёта не была оптимальной; второй – потери энергии на нужды, не предусмотренные программой полёта.

Оператор Нан, лично знавший арамисовца Ли Даогуня с беспокойством подумывал о происходящем на том конце бездны. Пока ничего страшного, но есть уже что-то непонятное, даже немного детективное. Так и не объяснённая коррозия, исчезновение части энергозапасов... Отказ системы самоконтроля – вероятен только с точки зрения машины.

По человечески же трудно поверить, что эта неисправность больше ничем себя так и не проявила, и об этом не узнал бы экипаж... Вмешательство инопланетян? Но раньше такого не было, контакты с ними всегда были дипломатичными, при случае они выручали. И согласно информации, полученной от них же, в том участке вселенной нет ни разумной жизни, ни обжитых цивилизациями планет. А уж им-то можно верить. Нан отправил координатору Центра Сигналов и в Научный Союз запрос о прекращении работ на "Арамисе" до выявления причин потери энергии и получил согласие. Теперь на очередном сеансе связи "Арамису" сообщат предложенные компьютером причины энергопотерь с приказом проверить их в первую очередь. Неясность происходящего может указывать на его серьёзность, а на самом корабле, в гуще событий, многое можно увидеть в другом свете и не приписать значение кажущемуся второстепенным. Через несколько дней Нан должен быть в командировке на Каспии, не так далеко там живет мать одного из арамисовцев, можно передать и весточку из первых уст, от оператора. Но только что передать? Не расстроить бы... А может и ничего страшного, это же космос. Туда рвутся и знают, на что идут.

* * *

Тем временем информация о "шестёрке" заполняла арамисовские компьютеры. Необычного, в общем-то, мало. По-

жалуй, даже, нет совсем. Естественная обитаемая планета, причём с углеродной исходящей, а следовательно, с "земным паспортом". Почти родная... Никогда, кажется, не попадались только парящие крылья, так всполошившие после посадки. А такие крылья здесь совсем не редкость. Только за два дня их видели трижды, разных оттенков и размеров, но всё равно очень друг на друга похожих.

Вторая ночь на поверхности. Вреж, Ли и Роберт – часовые. Спать не хотелось совсем, да и ночь здесь почти условная. Лежащие тоже – больше ворочаются.

– Ну, что, конвойники так и не расшифровали опасность, отмеченную перед посадкой?

– Ты, Роберт, уже трижды это сегодня спрашивал. Я, как медик, могу дать и успокоительное.

Такой ответ Врежа выдал и его озабоченность, на что Ли Даогунь усмехнулся:

– Что уже отмечено, то прошло. – Он повернулся к Фернандушу. – Как-то Рей сказал, что ты даже спал перед посадкой, и он, мол, завидует твоей невозмутимости, а теперь, вот, про успокоительное говорит. Разберись тут...

– Я разве спал? Когда?

– Тогда, когда садились, и как розовый младенец. – Вреж очень убедительно кивнул при этом.

В это время какой-то зверёк, величиной с кошку, но похожий на бежевую летучую мышь без крыльев, прилип к иллюминатору и тут же замер, отдыхая после прыжка. Глазки

его смотрели внутрь корабля и были неподвижны, как будто от изумления.

– Кыш!

– Брысь!!!

– Отмывай после тебя! Пошёл!!

Зверёк не реагировал. И только когда Роберт, вооружившись, направился к выходу, тот спрыгнул прочь.

– Крылья завтра искать пойдём? – Роберт вернулся на место.

– Как Майкл... Он любит запрещать.

– Ты, Роберт, ушёл от разговора. Что, ты даже не помнишь, как ты заснул в кресле при посадке?

Фернандуш недоумённо молчал.

– Было или нет? – наседал Ли.

– Хм... Неужели, правда, спал? Хотя такие подробности помнить... С Зимоглядом разговаривали... Потом... Да, я к Уэддоу собрался. С посадкой он же явно спешил. Опрометчиво, не похоже на него, хорошо, что пока всё нормально...

– Ну-ну, не отходи. Что дальше?

– Дальше? Дальше... – глаза Роберта погрустнели. Да, вот, не помню, можно сказать. На поверхности оказались потом, вот и всё. Проспал посадочку! Ну и фокус! – Роберт не знал смеяться ему или грустить и не замечал при этом, как изменились безмятежные до этого лица его коллег. Психолог ото-звал Врежа в сторону, предоставив Фернандушу смущаться в одиночестве.

– А теперь давай мы начнём вспоминать!

– Почему перестали наблюдать за Майклом?

Короткий кивок.

– Так почему? Когда мы вдруг заснули? – на "мы" Ли сделал нажим.

– Усыпились... усыпились... Риторический твой вопрос, Ли.

– Почему же. Вспомнить обязательно надо.

– Разбудим Дорис?

– Пусть поспит, сон память не стирает. Правда?

Слишком уж часто Ли смотрит прямо в глаза... На мгновение что-то молнией мелькнуло в памяти Врежа. Мелькнуло и исчезло. Что-то вспомнил или о чём-то догадался? Ну, нет. Поздно...

– Перестань смотреть в глаза, где ты только воспитывался!

– Фернандуша не мешало бы и успокоить, не надо всем знать пока.

– Доколе "пока"?

– Тогда расскажи всё.

Рассказать всё. Совсем не густо. Мало рассказать, ведь надо, чтобы ещё и верили...

А Роберт всё недоумевал, большая его фигура слегка сгорбилась:

– Как же так получилось... Шёл к шефу и по дороге заснул и с полным провалом в памяти. Я здоров, медицина?

– Сейчас укол сделаю. По старинке... Снимай пока... –

шутил Бакунц с совершенно серьёзным лицом.

Фернандуш совсем упал духом:

– Я всегда был крепок, я даже Уджаяни борол, тестирование на внушаемость у меня всегда – единица, меня просто так не свалишь.

– Зачем ты нам это говоришь? Или сам не знаешь, что после "Аквариумов" и упасть на ходу можно.

– Можно, Рей, но никто не падает, здесь не Земля и нет настоящей опоры. А то, что вы сейчас шептались – то это вас не украшает.

– Ну вот. Сделал выводы! Перевари всё в себе, уж раз ты борол Уджаяни. – На несколько секунд Роберт отвернулся, затем, как ни в чём ни бывало, встал и сел за экран кругового обзора. И без того светлая ночь уже таяла под натиском двойного светила. В самом верху, над огромными деревьями, висели, подстать им, уже знакомые очертания крыльев.

– На них там кто-то сидит.

– Джин наверно.

– А я серьёзно. – Роберт долго всматривался, затем включил дальний обзор.

По экрану гордо скользило крыло, напоминающее мостовой пролёт, а на нём сидело не менее двух десятков птиц, местных ворон, возможно, что и они досматривали сны. Оказывается, здешние летуны могут иметь здесь свой транспорт. ...Или эти крылья всё же управляемы?

Днём вездеход направился на выполнение программы аналитического компьютера. Надо осторожно искать угрожающие источники: "Зевс" – то погиб. За этим и летели, за приключениями... Пока же здесь начался хороший летний отпуск. Без труда поймали трёх зверьков: двух круглоголовых лисичек и нечто бесформенное и колючее, подпрыгивающее как заводное и издающее скрип. С животным последнего роднило лишь четыре ноги, величина ежа и уверенное "да" вездеходной аппаратуры на вопрос: "Уровень объекта – животное?". В биокамере уже были и насекомые и растительность. Экскурсия удалялась дальше и дальше, не наталкиваясь ни на что настораживающее.

Вездеход остановился. Лёгкий ремонт, ничего не подделаешь. Шеметов, никого не спрашивая, незаметно улизнул в сторону и, неслышно перепрыгивая, исчез. Он уже прикинул, что парящие невдалеке крылья скоро окажутся над самой горой и их может быть удастся "потрогать". Тихо это сделать проще, чем обсуждать: сколь это опасно и сколь нет. Так уж повелось. Метров двести вверх... Не так это было просто, но теперь, кажется, всё. Наверху растительности нет и от вездехода его можно заметить, а пока – хоть перевести дух. Анализатор на груди помалкивает, значит, всё вокруг нормально. Вот, наконец, медленно показались крылья, но не совсем там, где ожидал Денис. Недолгое карабканье,

и крылья, величаво-коричневые, спящей Царь-тучей повисли над самой головой. В это время, и в динамике, и просто издали, засвистели недобрые слова: Дениса заметили. Для его спасения вездеход уже оторвался от поверхности: сейчас его "арестуют". Стараясь действовать на опережение, Денис вскарабкался на наиболее высокий камень. Огромные, шириной с человека, перья выглядели совершенно натуральными. Поднял руки, дотронулся – (анализатор-то молчит), затем попытался остановить. Нет. Для этого сила нужна побольше. И насколько же побольше?

В итоге подлетевший вездеход снял Дениса уже сидящего на крыле. Конечно, впечатлений осталось много. А выводы?

Крылья так и оказались крыльями. Но за счёт чего такая масса держалась в воздухе и только лишь слегка наклонилась под весом человека? Ещё тогда, в первый день, отсечённую часть такого же летуна исследовали: земная органика! Вернее почти земная. Неужели это "почти" и держит перьевого планер на расстоянии от поверхности? Космос, загадки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.